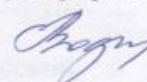

Министерство образования и науки РФ
Автономное образовательное учреждение высшего образования
Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка»
Факультет лингвистики
Кафедра германских языков
Направление 45.04.02. «Лингвистика»
Уровень «Магистр»

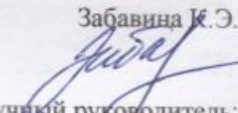
ДОПУСКАЕТСЯ К ЗАЩИТЕ

Руководитель программы
докт. филол. наук, проф. Водоватова Т.Е.

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА МАГИСТРА
«ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В РУССКОЙ И БРИТАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ»**

Выполнил:
Забавина К.Э.

Научный руководитель:
докт. филол. н., профессор
Водоватова Т.Е.

Самара
2017

Оглавление

Введение.....	3
1. Теоретические основы изучения юридического дискурса.....	8
1.1. Понятие дискурса.....	8
1.2. Существующие классификации дискурса.....	16
1.3. Языковая организация юридического дискурса.....	20
1.4. Юридический дискурс как лингвокультурное явление.....	36
2. Языковая специфика правовых документов в русской и британской лингвокультурах.....	43
2.1. Структурно-композиционные особенности.....	43
2.2. Функциональные стили, реализуемые в русских и английских текстах.....	53
2.3. Различия на грамматическом уровне.....	60
2.4. Лексические особенности.....	64
Заключение.....	72
Библиографический список.....	75

Введение

В основе современного мультикультурного общества основополагающими являются принципы глобализации, демократизации и открытого взаимодействия между представителями разных культур. В условиях стремительно набирающей обороты глобализации увеличивается интенсивность международных контактов, имеющих целью обмен знаниями, опытом, а также сотрудничество. Подобного рода сотрудничество в рамках международного общения реализуется в форме правовых документов – соглашений, договоров, контрактов и пр., которые составляются на английском языке – языке, прочно укрепившемся в качестве универсального языка-проводника, который выступает в качестве медиума в процессе межкультурной коммуникации. В связи с этим одним из наиболее важных и перспективных направлений лингвистики является изучение официально – деловой документации с позиций лингвокультурологических особенностей. С давних времен взаимоотношения людей внутри разных культур регулировались специальными нормами поведения, которые в последствии формировали определенные сценарии, а вместе с ними жанры и наборы коммуникативных средств для реализации конкретных целей, основополагающих для выбранного вида коммуникации. Те же нормы с течением хода истории начали интегрироваться в возникающие социальные институты и нормы и правила, некогда контролировавшие межличностные отношения, стали основой правового института, задачей которого является глобальное урегулирование поведения и взаимодействия участников социума. Ввиду того, что постиндустриальное общество, в котором мы существуем, подразумевает активное внешнеэкономическое взаимодействие на высоком уровне и межкультурную коммуникацию – в более узком смысле, мы, будучи участниками этого социума, вынуждены расширять границы своего знания, которое ограничено нашими национальными культурным опытом и традициями. Таким образом, возникает потребность в получении знания о способах интерпретации правовых текстов с точки зрения разных лингвокультур, а значит и необходимость проведения

сопоставительного анализа параллельных правовых текстов, регулирующих норму правотворчества и правособлюдения с целью создания теоретической базы для выявления основополагающих особенностей для верной интерпретации этого дискурса.

Актуальность темы диссертационной работы обусловлена объективными факторами - необходимостью разработки различий в подходе к проблеме изучения юридического дискурса и интерпретации его воплощений в виде правовых документов с позиций различных лингвокультур.

В современной науке представлено большое количество работ, посвященных проблемам интерпретации юридического дискурса в срезе сравнительного анализа (Губарева О.Н., Каплуненко А.М., Иеринг Р, Карамова А.А., Карасик В.И. Крапивкина О.А.). Кроме того, эта проблема также затронута в работах некоторых юристов и правоведов (Алексеев С.С., Губаева Т.В., Керимов Д.А.), а также некоторых философов (Фуко М., Монтескье Ш.Л.) Труды этих ученых в числе прочих стали теоретической базой данного исследования. В качестве материала для практической базы настоящей работы были отобраны договоры разных типов на русском и английском языках. Общее количество проанализированных договоров - 30.

В качестве объекта исследования нами был выбран юридических дискурс двух лингвокультур – русской и британской.

Предметом нашего исследования стали нормативно – правовые договоры разных типов (агентский, договор аренды, трудовой, договор поставки).

Цель исследования заключается в том, чтобы проанализировать и обобщить научные данные о характерных особенностях реализации юридического дискурса в русской и британской лингвокультурах, на основе чего выявить основные сходства и различия в документах двух указанных лингвокультур.

Актуальность избранной темы исследования определяется несколькими факторами: 1) недостаточной изученностью такого значимого явления современной социальной жизни, как юридический дискурс; 2) необходимостью накопления и систематизации данных о способах интерпретации глобализованных английских

нормативно-правовых регулирующих документов; 3) важностью проведения сопоставительных исследований, способных выявить и описать универсальное и национально специфичное в ментальных картинах юридического мира российского и британского народов.

В соответствии с поставленной целью при проведении настоящего исследования предполагается решить ряд конкретных задач:

- 1) определить теоретические основы исследования юридического дискурса в современной лингвистике;
- 2) выявить и описать языковые особенности юридического дискурса в русской и британской культурной традиции;
- 3) проанализировать и сопоставить лингвокультурные особенности русско – и англоязычных текстов юридического дискурса.

Методологическую базу диссертационного исследования составили труды отечественных и зарубежных лингвистов:

- в области теории дискурса: В.И. Карасика, Е.С. Кубряковой, М.Л. Макарова, G. Brown, G. Yule, W. Chafe и др;

- в области лингвокультурологии: Э. Бенвенист, В.В. Воробьева, В.А. Масловой, И.А. Стернина и др.

В ходе исследования использовался метод сопоставительного и компонентного анализа на структурном, грамматическом и лексическом уровнях. Для обработки результатов исследования применялся метод классификации и систематизации языкового материала по определённым критериям, а также метод дедукции - с целью формулирования обобщённых выводов на основании частных языковых фактов. Общенаучные методы -сопоставления, обобщения и описательный - были использованы при обобщении и интерпретации результатов исследования. Были привлечены также элементы дискурсивного и интен-анализа; использование лингвокультурологических и литературно-исторических данных позволило избежать проведения необходимого анализа и описаний в отрыве от национального своеобразия российской и британской культур.

Научная новизна настоящего исследования заключается в выявлении метода и способах моделирования и интерпретации ментальной картины юридического мира в России и Великобритании. Анализ корпуса текстов выявил интернациональные закономерности функционирования языковых средств, свидетельствующих о присутствии общих тенденций развития институционального юридического дискурса, а также особенности, свидетельствующие о национальной специфике российской и британской ментальных картин юридического мира.

В рамках данного исследования качестве рабочей гипотезы выносится идея о том, что юридический дискурс - это сложное образование, обладающее чёткой структурой, объективированное в устной и письменной формах, характеризующееся рядом специфических признаков, при проведении сопоставительного анализа в российском и британском юридическом дискурсе активно реализуются разнообразные языковые средства (структурно- - композиционные, грамматические и лексические), целью которых в конечном итоге является достижение соглашения двух сторон, участвующих в дискурсе. При сопоставительном анализе неизбежно выявление уникальных для конкретной лингвокультуры способов моделирования юридического дискурса, которые отражают лингвокультурные различия двух народов.

Теоретическая значимость настоящего исследования состоит в том, что оно способствует дальнейшему углублению теории юридического дискурса, развитию дискурсивного анализа; обогащает современное языкознание идеями и положениями, относящимися к вопросам лингвокультурологии. Сопоставительный характер исследования способствует выявлению лингвокультурных особенностей правовых картин мира на примере текстов договоров.

Практическая значимость работы определяется возможностями использования ее материалов в двуязычной лингвистической практике, в практике преподавания иностранного языка и курсов по межкультурной коммуникации, теории и практики перевода, юридической лингвистике, лингвокультурологии. Полученные данные могут быть востребованы юристами. Применение результатов исследования возможно при разработке общих и специальных курсов по теории

речевого воздействия, прагматике речевого общения, риторике, социолингвистике и дипломных работ.

Настоящая работа состоит из двух глав – первая посвящена теоретическим аспектам изучения юридического дискурса с указанием существующих классификаций данного вида дискурса, также приводятся сведения о лингвистических особенностях организации юридического дискурса; вторая глава представляет собой непосредственно сопоставительный лингвистический анализ юридических дискурсов русской и британской лингвокультур в их письменной реализации (текстах договоров на русском и английском языках).

1. Теоретические основы изучения юридического дискурса

1.1. Понятие дискурса

В современной науке нет конкретного ответа на вопрос, что есть дискурс, поскольку среди всех имеющихся на данный момент исследований единого подхода к определению данного термина не существует. Дискурс является междисциплинарным понятием, и определение данного термина рассматривается смежно в рамках исследований его лингвистических, философских и социокультурных аспектов. У. Чейф писал: «Дискурс многосторонен, и достаточно очевидна ограниченность любых попыток отразить его моделирование, сведя дискурс к одному или двум измерениям» [Chafe 1996: 50]. Т. ван Дейк в своих работах пишет, что дискурс является сложным коммуникативным явлением, которое включает в себя социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации (и их характеристиках), так и о процессах производства и восприятия сообщения. Он также подчеркивает, что дискурс, являясь сложным единством языковой формы, значения и действия, должен распознаваться и анализироваться с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта [ван Дейк 2000 : 1–30.].

Согласно концепции Мишеля Фуко, дискурс понимается как связанная последовательность высказываний, условием порождения которых служит некая эпистема, присущая той дискурсивной формации, в рамках которой эти высказывания порождаются. [Фуко 1996]. Эпистема – понятие, введенное Мишелем Фуко, представляет собой исторически продиктованное культурно-когнитивное априори, специфическую совокупность правил и отношений в конкретном месте и времени, которые создают условия существования исторических форм культуры и знания. Таким образом, если следовать определению, предложенному Фуко, дискурс представляет собой связанную последовательность высказываний по тематическим вопросам, детерминированных контекстуально (контекстом ситуации и контекстом

культуры). Это означает, что Фуко так же, как и ван Дейк при рассмотрении явления дискурса с лингвистической стороны подчеркивает значение контекста, в рамках которого происходит коммуникация.

У В.З. Демьянкова находим следующее определение дискурса: «Произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который "строится" по ходу развертывания дискурса, - это точка зрения "этнографии речи". Исходная структура для дискурса имеет вид последовательности элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкциями и т.п. Элементы дискурса: излагаемые события, их участники, перформативная информация и "не-события", т.е. а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников события; г) информация, соотносящая дискурс с событиями» [Демьянков 1982: 7].

Интересно определение Эмиля Бенвениста, в работе «Общая лингвистика» он пишет, что «с предложением мы покидаем область языка как системы знаков и вступаем в другой мир, мир языка как средства общения, выражением которого является дискурс» [Бенвенист 1974: 139]. Норман Фэрклаф в свою очередь в одной из своих работ дает следующее толкование, которое можно рассматривать как более дополненное вышеописанного: «для меня дискурс – гораздо больше, чем просто использование языка: это такое использование языка, когда речь или письменный язык рассматриваются как тип социальной практики [Fairclough 1992:28]. Таким образом, Фэрклаф одновременно разграничивает понятия дискурс и язык, а также подчеркивает социальную составляющую явления дискурса.

Он же пишет о том, что «дискурс конституирует социальное. Дискурс формируется властными отношениями и существует, видоизменяясь в зависимости от идеологий». Это позволяет нам судить о своего рода «неуниверсальности»

дискурса. То есть в случае с разными социальными и институциональными контекстами мы будем иметь дело с разного рода дискурсом.

Как можно убедиться исходя из приведенных выше определений, очень часто толкование термина дискурс включает такие понятия как язык, речь и текст. Причины этому мы можем обнаружить в истоках зарождения науки о дискурсе. К концу XX-го века произошла смена парадигмы в языкознании – ученые отказались от формализаторского подхода к изучению языка с его игнорированием человеческого фактора. Если раньше они искали ответ на вопрос как устроен язык, то теперь главным вопросом было то, каким образом язык функционирует. Так, новая функционально-коммуникативная парадигма в лингвистике поспособствовала расширению границ изучения языковых фактов и их более детальному анализу. Больше внимание уделялось изучению человеческого фактора и ключевым предметом исследований оказались текст и дискурс. Понятие дискурс зародилось и получило широкое распространение в англоязычных культурах. В русской науке, как и во многих других, этому слову не было эквивалента и долгое время в русскоязычной среде были размыты границы между понятиями дискурс, речь, текст.

У Ю.С. Степанова находим четкое разграничение толкований и сферы применения термина в зарубежной и русской традициях. Он пишет: «Термин дискурс начал широко употребляться вначале 1970-х гг., первоначально в значении близком к тому, в каком в русской лингвистике бытовал термин «функциональный стиль». Причина того, что при живом термине «функциональный стиль» потребовался другой - «дискурс», заключалась в особенностях национальных лингвистических школ, а не в предмете. В то время как в русской традиции «функциональный стиль» означал, прежде всего, особый тип текстов - разговорных, бюрократических, газетных и т.д., но также и соответствующую каждому типу лексическую систему и свою грамматику, в англосаксонской традиции не было ничего подобного, прежде всего потому, что не было стилистики как отдельной области языкознания. Англосаксонские лингвисты подошли к изучению дискурса вне традиции. Дискурс в их понимании означал именно тексты в их текстовой

данности и в их особенностях, поскольку обладал всеми присущими текстам особенностями [Степанов 1995].

Многие исследователи отмечают, что термины «дискурс» и «текст» близки по смыслу. Несмотря на это между ними существует разительное отличие. Дискурс - это всегда динамическое коммуникативное явление, которое разворачивается во времени; текст же является статическим объектом, представляющим собой результат языковой деятельности. При этом, некоторые лингвисты также отмечают, что дискурс может одновременно включать два вышеописанных компонента – динамический процесс в социальном контексте и результат языковой деятельности.

Отечественный лингвист В.Г. Борботько дал определение понятию дискурса как «текста связной речи»: Текстом можно считать последовательность единиц любого порядка. Дискурс - тоже текст, но такой, который состоит из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной внутренней смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование». У него же находим определение текста: «текст – более общее понятие, чем дискурс. Дискурс всегда является текстом, но обратное не верно. Не всякий текст является дискурсом» [Борботько 1981: 8-9].

Помимо этого, во многих исследованиях, основанных на функциональном подходе, дискурс и текст ставятся в оппозицию по ряду критериев: функциональность – структурность, процесс – продукт, динамичность – статичность, актуальность – виртуальность.

Традиционно в лингвистике «текст» - это любое созданное «речевое произведение» любой протяженности, которое заключает в себе фиксированное законченное сообщение. Текст являет собой непосредственную действительность человеческой мысли и опыта. Где нет текста, там нет и объекта для исследования и мышления. Текст — это всегда результат индивидуальной речевой деятельности. И поскольку тексты являются продуктом индивидуальной речевой деятельности – каждый текст обладает индивидуальными чертами; вместе же тексты создают общую базу, которая может быть воспринята как абстрактная языковая система. Она

даёт возможность (а именно - средства) для дальнейшего продуцирования речевой деятельности. [Васильев 2012: 20]. Текст является продуктом речевой деятельности, который может быть реализован как в письменной, так и устной форме. Основными свойствами текста являются цельность и связность, которые, с одной стороны, относительно независимы друг от друга, а с другой — предполагают друг друга. Текст всегда имеет тему или несколько тем, которые связаны иерархически. Текст обладает структурой, однако не все элементы его структуры обязательно имеют вербальное выражение, они также имеют полностью или частично невербальное выражение. Такие свойства текста, как его отдельность и завершенность, являются не собственно лингвистическими и обуславливаются непосредственно условиями коммуникации. Отдельность текста связана с его структурными параметрами, завершенность связывается с его цельностью и темой.

Мы можем говорить о том, что текст выступает в роли дидактического источника, поскольку представляет собой целостный и законченный по форме и содержанию «образец речевой коммуникации носителей языка», содержащий изучаемый языковой (лексический, грамматический) материал и тему, инициирующую ситуацию общения. Таким образом, текст предстает в качестве образца использования языкового материала в типовых речевых ситуациях.

Что касается дискурса, то он существует прежде всего и главным образом в текстах. Однако, как мы уже писали ранее, не каждый текст включает в себе дискурс и является им. Тексты, в которых реализуется дискурс – это те тексты, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, и в конечном итоге — особая действительность. В реальности, выстроенной дискурсом, действуют свои правила. И каждый из возможных дискурсов — это отображение «альтернативного мира». Дискурс таким образом дает представление лишь об альтернативной стороне привычного мира, а не о чуждой и неподвластной человеческого уму параллельной действительности. Так, например, юридический дискурс продуцирует альтернативный юридический мир, который действительно существует в сфере юриспруденции; политический дискурс, соответственно, является отображением

политического мира, который также существует в общей действительности. Иными словами, дискурс – это своего рода среда с заданными определенными экстралингвистическими параметрами, в которой протекает коммуникация, состоящая из коммуникативных единиц языка — предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной смысловой связи. Следовательно, дискурс воспринимается как цельное образование. Кроме того, дискурс – это всегда развивающийся процесс, результатом которого может и становится текст. Однако также важно понимать, что если дискурс – это форма для коммуникации, то средством и единицей этой коммуникации является текст [Борботько 1981].

Исходя из рассмотренных нами толкований, мы делаем вывод, что текст и дискурс являются взаимозависимыми элементами: они не противопоставляются друг другу — в их отношениях можно проследить причинно-следственную связь: текст является результатом дискурса и одновременно материалом для его создания.

Интересно мнение, получившее широкое распространение о том, что дискурс – это речь, погруженная в жизнь. При этом, Э. Бёйссенс включил дискурс в дихотомию Соссюра язык-речь, наделив его функцией посредника между двумя компонентами. Язык в этом случае выступает в качестве абстрактной системы знаков, а дискурс содержит определенные комбинации, при помощи которых говорящий использует язык, речь же представляет собой непосредственно механизм и процесс речевой деятельности.

Отечественный лингвист, Ю.С. Степанов соглашается с этим и дополняет, что дискурс есть изначально особое использование языка для выражения особой ментальности. Особое использование в свою очередь означает и влечет за собой активизацию особых черт языка, особой грамматики и особых правил лексики. В конечном же счете, всё это создает особый «ментальный мир» [Степанов 1997]. Соответственно, мы можем предположить, что дискурс в конечном итоге объединяет в себе и язык, и речь, поскольку он требует специальное использование языковой базы, а также особую реализацию этой языковой базы, т.е. особую речь. Эти требования же обусловлены тем или иным социокультурным контекстом.

Вернемся к определению дискурса, предложенному Т.А. ван Дейком. В его понимании, это высказывание, содержание и форма которого продиктована когнитивными установками. По ван Дейку, дискурс является коммуникативным событием, которое происходит между автором высказывания и реципиентом в процессе коммуникативного действия, проистекающего в конкретном временном, пространственном и прочем контексте. Причем такое коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие. Такое мнение о природе дискурса разделили многие лингвисты и особенно активно используется в отечественных исследованиях понятия дискурс. Так, например, Н.Д. Арутюнова, опираясь на толкование ван Дейка, дала следующее определение: «дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий в взаимодействии людей, в механизмах их сознания. Дискурс – это речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова 1990].

Интересно, что М.М. Бахтин во время написания своей работы «Проблема речевых жанров», с огорчением указывал на отсутствие в лингвистике понятия, концептуализирующего высказывание не как грамматическое предложение, а как «целое высказывание», которое «уже не единица языка (и не единица «речевого потока» или «речевой цепи») а единица речевого общения, имеющая не значение, а смысл <...> имеющий отношение к ценности - к истине, красоте и т.п. - и требующий ответного понимания, включающего в себя оценку» [Бахтин 2006: 337]. Таким образом, Бахтин в своей работе, не отдавая себе в этом отчет, писал о существовании дискурса, однако, не имея данного термина, он использовал для его характеристики термин жанр.

Подойдя с иных позиций к той же самой проблематике, Мишель Фуко воспользовался появившимся к тому времени термином «дискурс», обозначив им коммуникативную реальность, располагающуюся «между мыслью и речью» [Фуко

1996], и последовательно игнорируемую, на его взгляд, философией, с одной стороны, и лингвистикой, с другой.

Таким образом, для анализа высказываний как коммуникативных реалий было выдвинуто понятие дискурса. Как пишет Тодоров, необходимость была обусловлена тем, что установленные и уже выявленные лингвистами языковые правила, обязательные для всех носителей языка оказались «лишь частью правил, управляющих производством конкретной речевой продукции»; и в действительности их дополняют «с одной стороны, правила, присущие каждому дискурсу в отдельности: официальное письмо составляют иным образом, нежели письмо интимное; а с другой - ограничения, которые накладывает ситуация высказывания: личность адресанта и адресата, условия места и времени, в которых возникает высказывание» [Тодоров 2001: 366-367].

Так, если прибегнуть к образному мышлению, мы можем представить дискурс в виде многогранного и при этом пластичного предмета. Такие аспекты как ситуация общения, её участники, их знания и установки, а также паралингвистические элементы – все они являются неотъемлемыми «гранями» дискурса, своего рода «каркасом». Но поскольку дискурс – это всегда процесс, деятельность, то число этих граней может меняться, а их пропорциональное соотношение может в любой момент подвергнуться динамическим изменениям для достижения главной цели коммуникации в рамках дискурса. А главной целью любого дискурса является интерактивное взаимодействие его участников – установление и поддержание контакта, оказание на реципиента определенного воздействия с применением особых вербальных и невербальных стратегий. Логично утверждать, что в зависимости от типа дискурса будет достигаться разного рода воздействие на реципиента. Так, если речь идет о политическом дискурсе, то его задачей является проявление и закрепление власти, в случае с юридическим дискурсом – важна реализация концепта права и урегулирование взаимодействий участников коммуникации, и т.д.

1.2. Существующие классификации дискурса

При изучении дискурса как феномена неизбежно встает вопрос о его классификации. В лингвистике существует большое количество подходов к типологии дискурса. Однако наибольший интерес для нас представляет видовое разделение дискурса, предложенное социолингвистикой. По этой классификации существуют два основных типа дискурса: личностно-ориентированный и институциональный. Первый тип предполагает, что говорящий выступает как личность и базой для него служит его внутренний мир. В случае со вторым типом – говорящий является представителем определенного социального института и, соответственно, он служит для него базой формирования дискурса. Первый из описанных тип дискурса не относится к теме нашей работы, и мы не будем подробно рассматривать его виды. Отметим лишь основные характеристики

Личностно-ориентированный дискурс согласно В.И. Карасик представлен в двух видах – бытовое и бытийное общение. Бытовое общения является естественным исходным типом дискурса, который каждый из нас усваивает с детства и его главными чертами являются спонтанность, ярко выраженная субъективность, нарушение логики и отсутствие структурной оформленности высказываний. В случае с бытийным дискурсом – отправитель речи занимает активную позицию в процессе коммуникации. Он старается максимально раскрыть свой внутренний мир, в результате чего общение пресыщено смыслами и для его реализации используются все формы речи на базе литературного языка. Преимущественно такое общение носит монологичный характер и представлено в виде произведений художественной литературы, философскими трудами [Карасик 2002].

Что касается институционального дискурса, то именно он представляет для нас особый интерес. Данный тип дискурса являет собой общение, протекающее в условиях статусно-ролевых отношений. На данный момент можно выделить следующие дискурсы, получившие широкое распространение: политический, юридический, военный, религиозный, медицинский, информационно-массовый.

Институциональный дискурс формируется на основании ключевых системообразующих признаков: цели и участников общения. Так, например, можно сказать, что цель политического дискурса – завоевание и удержание власти, юридического – регулирование и нормирование отношений участников социума. Основными участниками дискурса выступают представители того или иного института (группа I) и люди, вступающие с ними в общение (группа II). Например, политик и избиратель, адвокат и подзащитный. При этом важно отметить, что представители одного институционального дискурса часто могут разительно отличаться по качествам и предписаниям своего поведения. Кроме того, отличия могут также быть между представителями группы I и группы II. Более того, нередко возможно полное непонимание со стороны представителей групп II ввиду того, что они могут быть не в курсе особенностей юридического дискурса как такового. Это легко проиллюстрировать на примере обращения обычного человека к юристу – для представителя юридического института будут привычными юридические формулировки и особенности построения высказываний. Для человека, не являющегося юристом, тяжело понять эти особенности, и этот факт обусловлен не столько незнанием юридической терминологии, сколько отсутствием необходимого специфического знания. Ведь передача отдельных видов знания невозможна без непосредственного взаимодействия, при котором смысл добывается и становится понятным исходя из контекста. Такое знание позволяет общаться без слов. И именно такое неявное знание представляет собой преимущество любого института – изложенное на бумаге легко может поддаться имитации и распространению. В то время как смыслы, транслируемые между участниками института, становятся координатами в процессе поведения внутри института. Эти смыслы становятся очевидными в условиях частого столкновения с повторяющимися ситуациями формализованного общения и исследований «неписанных», но очевидных правил, на основе которых такие ситуации строятся. В таких условиях т.н. «очевидные смыслы» быстро усваиваются представителями коммуникативного сообщества. Таким образом, ситуативная обусловленность любого институционального дискурса позволяет его участникам усвоить необходимые для общения знания.

Далее в нашей работе мы рассмотрим, каким образом с научной точки зрения моделируется институциональный дискурс. В.И. Карасик, отвечая на данный вопрос, выделяет четыре группы признаков для формирования институционального дискурса [Карасик 2000]. Ключевыми для нашего исследования являются первые три группы:

1. Конститутивные признаки.
2. Признаки институциональности.
3. Признаки типа институционального дискурса.

Рассмотрим подробнее каждую из них на частном примере юридического дискурса, являющегося разновидностью институционального дискурса. Конститутивность институционального дискурса предполагает выполнение социальной потребности общества организовывать свои социальные связи и налаживать их взаимодействие. К конституциональным признакам относятся участники общения в их статусно-ролевых и ситуационно - коммуникативных амплуа, сфера общения, мотивы, цели, стратегии, тональность и жанр общения, а также форма общения – текст или невербальные знаки. Данные признаки определяют ролевые характеристики представителей института и людей, вступающих с ними во взаимодействие. По сути, взаимодействуя вместе, эти признаки выполняют роль неотъемлемых «декораций» для институционального общения, т.к. оно является своего рода общением, в процессе которого участники обеих сторон как актеры исполняют определенные роли, примеряя на себе разные маски, но пользуясь четко прописанным сценарием. Коммуниканты внутри институционального дискурса могут реализовываться лишь в ограниченном наборе ролевых характеристик [Олешков, Уваров 2006]. Такое четкое разграничение ролей общения и предписанный характер поведения отличает институциональный дискурс от личноориентированного. Юридический дискурс представляет собой статусно-ориентированное взаимодействие его участников в соответствии с системой ролевых предписаний и норм поведения в определенных правом ситуациях институционального общения.

Институциональные признаки юридического дискурса выражаются четко дифференцированными актами его участников, которые влекут за собой те или иные правовые последствия. То есть, такие последствия являют собой действия, возникающие в качестве «само собой разумеющейся» реакции на ситуацию, которая является частью отдельной культуры (в данном случае – юридической). Эти действия формируются с помощью знаков и значений и обусловлены предписаниями процедурного характера и законами дискурсивного жанра.

Проанализировав различные точки зрения на изучение дискурса как многокомпонентного коммуникативного явления смежных наук и принимая во внимание особенности эволюции юридической науки, мы рассматриваем юридический дискурс как особый тип институционального дискурса, семиотическое пространство которого характеризуется совокупностью вербальных и невербальных знаков, формирующих как институциональные, так и неинституциональные формы общения, в которых субъект, адресат или содержание (или хотя бы одна из этих составляющих) имеют отношение к сфере юриспруденции. Изучение различных составляющих юридического дискурса, как и любого другого (художественного, научно-технического и др.), должно проводиться с учетом специфики данного типа дискурса.

Собственно, юридический дискурс представляет собой в любом случае неоднородное явление. Это совокупность различных коммуникативных ситуаций, участники которых в сходных условиях порождают сходные высказывания при помощи единого специального языка – языка права. Специфика институционального дискурса заключена в его типе – то есть в типе социального института, который в коллективном языковом сознании обобщен в ключевом концепте этого института. Так, юридический дискурс в социальном сознании предстает в разнообразных проявлениях концепта право. Суть права как социального порождения заключается в его созидательном регулятивном начале, которое обеспечивает упорядочение общественных отношений посредством созданной устойчивой структуры правовых институтов. При этом, необходимо помнить, что каждый социальный институт связан с определенными функциями

людей, поведенческими стереотипами и тестами, которые производятся в данном общественном институте и концепт, связываемый с конкретным социальным институтом, также «навязывает» его представителям своего рода трафарет коммуникативного поведения. Таким образом, особенности права как регулятивного явления определяют функции юридического дискурса и особенности поведения его участников. Помимо это, участники юридического дискурса, используют определенное количество типов и жанров дискурса, с помощью которых они осуществляют свои коммуникативные цели. Например, юристы используют разные типы жанров в случае заключения договора, защиты в суде или толковании закона; врачи прибегают к разным жанрам в ситуациях коммуникации с участниками внутри своего профессионального сообщества и в ситуации общения с пациентами.

1.3. Языковая организация юридического дискурса

Как мы писали ранее, специфика любого институционального дискурса определяется типом социального института, являющегося порождающей основой данного дискурса. Юридический дискурс – это продукт деятельности участников юридического института, которые моделируют и интерпретируют явления действительности исходя из концептов своего профессионального знания. О.А. Крапивкина предлагает выделять две формы проявления юридического дискурса, основываясь на типичном для современности разделении мира на публичную и частную сферы [Крапивкина, 2010]. Так мы выделяем публичную форму дискурса, включающую законодательную и судебную разновидности коммуникации, и частную. Таким образом, юридический дискурс – это амбивалентное явление, с одной стороны проявляющееся как коммуникация в сфере публичных отношений с участием государства и его органов (законодательная и судебная деятельность), а с другой стороны - как коммуникация в сфере частных отношений с участием отдельных индивидов (правовая деятельность в сфере гражданских отношений).

Являясь видом институционального дискурса, юридический дискурс может быть определен по: 1) статусно-ролевым функциям участников общения; 2) цели общения; 3) архетипу места общения.

Юридический дискурс реализуется в языке посредством правовых документов, а также речей. Статусно – ролевые функции коммуникантов определяют, какой жанр должен использоваться. Что касается жанров, юридический дискурс включает все виды и жанры профессиональной коммуникации – юридические документы (тексты законов, договора, письменные показания и пр.), публичную речь (речи судей и адвокатов). Жанровый набор юридического дискурса формировался веками, развиваясь вместе с правовой практикой. К центральным жанрам законодательного юридического дискурса следует отнести закон и конституцию. Если же речь идет о приватном юридическом дискурсе, который является основным для нашего исследования, то он воплощается в языке текстами договоров, завещаний, доверенностей, иными словами, в виде тех жанров, которые имеют волеизъявительный характер. Жанры дискурса являются способами организации взаимодействия правовых субъектов в институциональной реальности. Можно выделить минимальный набор структурных элементов, образующих коммуникативное взаимодействие в рамках жанровых единиц правового дискурса: определённые субъекты в определённой ситуации общения; цели, т.е. будущее положение вещей, ради которого происходит и на которое направлена коммуникация; средства, или коммуникативные инструменты (т.е. набор характерных типов речевых актов, применяемых в рамках конкретной ситуации общения и отражающих цели взаимодействия); способ взаимоотношения всех элементов. При анализе взаимодействия ситуация и участники юридического дискурса в данной ситуации рассматриваются на одном полюсе, цели и нормы – на другом, а коммуникативные средства (набор коммуникативных возможностей, типов высказываний, которыми располагают субъекты в данной ситуации) – в качестве связующих элементов между ними. Формулы связывания всех элементов воедино образуют жанровые форматы – типы текстов взаимодействия правовых субъектов. При этом взаимодействие может состоять из множества отдельных

действий участников дискурса, взаимосвязанных между собой и объединенных единой целью. Такие совокупности, включающие самые разнообразные действия, образуют сложные структуры, складывающиеся в сценарные последовательности того или иного события (развитие ситуации, череда ее изменений). Каждое высказывание при этом – звено в сложной структуре других высказываний.

Сценарные последовательности представляют собой варианты алгоритма коммуникативного события, его подчинение определенной процедуре. Крупные эпизоды выделяются на основании целей соответствующих действий, тогда как локальные эпизоды скорее связаны с отдельными операциями на пути достижения целей. При этом в качестве минимальной структурной единицы дискурса выделяется отдельное речевое действие (речевой акт), основу обозначения которого составляют интенции отправителя речи. Последовательности речевых актов образуют более сложные образования: коммуникативный ход, обмен или диалогическое единство (выражающее коммуникативное взаимодействие), фаза речевого общения или трансакция (в случае, если речь идет о письменной коммуникации имеется в виду абзац), и, наконец, самым крупным сегментом общения является речевое событие [Макаров 2010 : 87 – 91]. Последовательность сменяющих друг друга коммуникативных актов определяется правовой процедурой, структурируется правовыми отношениями в том или ином коммуникативном событии и представляет своего рода программу достижения определенного результата. Правовая процедура выступает в качестве специального юридического механизма системы правового регулирования, регламентируя, например, кому, в какие сроки, каким образом должен обратиться управомоченный субъект за реализацией своего права, как и в каком порядке он может защитить его от нарушения и как, в свою очередь, должен действовать агент юридического дискурса. Например, процедура заключения соглашения о оказании тех или иных услуг между двумя сторонами на возмездной основе предполагает составление текста договора, в котором будут прописаны все условия данного соглашения.

Юридическая реальность с данных позиций – это сеть взаимосвязанных позиций или статусов, в рамках которой люди играют свои роли, т.е. реализуют

некий комплекс коммуникативных возможностей в соответствующих ситуативных контекстах.

Действия участников дискурса институционально объективируются в виде текстов-документов. Отметим, что при выполнении различных нотариально-правовых действий таких как составление и заключение договорных отношений, в которых выражается позиция составителя, анализируются доказательства предложенных сценариев развития событий и поведения в рамках них и приводятся их правовые обоснования. Применяемый при этом язык имеет определенные условия, которые необходимо соблюсти: использование однозначных терминов, которые нельзя толковать альтернативно; употребление точных и сжатых формулировок, использование специфических фразеологических оборотов, дефиниций; краткое и понятное изложение материала.

Сам документ при этом следует рассматривать как форму существования определенной ситуации юридического дискурса. Здесь мы имеем дело с двумя измерениями одного и того же явления – текстуальным (или документальным) и ситуативным. Первый аспект является статическим, отпечатком реального взаимодействия, второй – динамическим аспектом реального взаимодействия. Жанры дискурса охватывают эти два аспекта, оформляя процесс общения и его результат.

Таким образом, взаимодействие правовых субъектов внутри того или иного жанрового формата выступает как череда изменений ситуативных характеристик в соответствии с определенными коммуникативными конвенциями. В качестве критериев классификации жанров юридического дискурса выступают статусные характеристики участников дискурса, характер диалогических связей между ними и зафиксированные в сценарных последовательностях события.

Ранее мы упоминали о классификации юридического дискурса, предложенном О.А. Крапивкиной, предполагающей существование двух основных ипостасей юридического дискурса – публичной и приватной. Исходя из данной классификации, мы делаем справедливый вывод о том, что авторы жанров юридического дискурса в таком случае могут выступать в двух ролях - «я» как

явление действительности и «я» как явление институциональное. При этом две эти языковые личности реализуют разные коммуникативные цели. Стоит также отметить, что в связи с неоднородностью жанровых образований, включенных в юридический дискурс, обусловленной как характером субъектно-адресатных отношений, так и коммуникативными интенциями, присущими жанру, степень проявления тех или иных свойств у них значительным образом варьируется. Говоря о проявления «я» в рамках юридического дискурса, невозможно не рассмотреть характерную особенность юридических текстов – в них, как правило, неоднозначным образом проявляется так называемое свойство деперсонализации – то есть нивелирование индивидуальных характеристик субъекта, очень характерное для юридического дискурса в целом.

Вопрос о стирании субъекта из дискурса возник в эпоху философского постмодернизма, одного из философских направлений XX века, теоретической базой которого стали критические постулаты, направленные на переосмысление и опровержение классических толкований явлений субъекта и субъективности. По мнению постмодернистов, даже применение термина субъект – лишь отголосок классической философской традиции, не имеющий реальную почву для существования. Как пишет М. Фуко, анализ субъекта представляет собой анализ «условий, при которых возможно выполнение неким индивидом функции субъекта. И следовало бы еще уточнить, в каком поле субъект является субъектом и субъектом чего: дискурса, желания, экономического процесса и так далее. Абсолютного субъекта не существует» [Фуко 1996 : 7]. «Смерть субъекта» проявляет себе не только и не столько в стирании всех индивидуальных характеристик, но являет собой освобождение текста от автора как такового и полное освобождение автора от ответственности за свое произведение. В действительности, это может рассматриваться как особый прием самоликвидации, который используется автором для достижения определенного имиджа и закрепления значимости своего имени.

Ролан Барт специфицировал термин «смерть субъекта» применительно к тексту: «что касается текста, то в нем нет записи об Отцовстве» [Барт 2004: 388]. Р.

Барт пишет, что с того момента, как автор ликвидируется на всех уровнях текста, он «становится самодостаточным, ему не мешает отсутствие адресанта, следа, оставленного им, он отрывается от своего отправителя и продолжает воздействовать по ту сторону его жизни». По оценке Барта, современная лингвистика показала, что «высказывание превосходно совершается само собой, так что нет нужды наполнять его личностным содержанием говорящих [Барт 1994 : 389]. Постмодернистский подход к субъективности привел к замене понятия «автор» на термин «скриптор», который автоматически снимает претензии субъекта на статус производителя или хотя бы детерминанты текста.

Итак, в эпоху постмодернизма был выделен тип безликого носителя информации, ставший прямой оппозицией автору, который создает высказывание, производит действия и несет ответственность за них. Жиль Делёз описал это явление как «безличное поле, не имеющее формы синтетического сознания личности или субъективной самотождественности» [Делёз 2004 :112]. Целесообразно обратить внимание на тот факт, что исчезновение субъекта из юридического дискурса произошло значительно раньше эпохи постмодернизма. Причины отсутствия субъекта в юридическом дискурсе следует искать в исторических истоках юридического дискурса и несколько отличаются от тех причин, которыми М. Фуко, Ж. Бодрийяр, Р. Барт и многие другие постмодернисты пытались объяснить деперсонализацию дискурса.

Согласно исследованиям западных лингвистов, деперсонализация законодательного дискурса начала проявляться XIII века. До этого момента эксплицитный субъект являлся неотъемлемой частью всех законодательных текстов. Подтверждением этому может служить Хартия Вольностей (Charter of Liberties), датированная 1100 годом, автором которой считают короля Генриха I. Приведем в качестве примера фрагмент Хартии, переведенный на современный английский язык:

«I, Henry, by the grace of God having been crowned the King of England, shall not take or sell any property from a Church upon the death of a bishop or abbot, until a successor has been named to that Church property. I shall end all the oppressive practices

which have been an evil presence in England. Any baron or earl who wishes to betroth his daughter or other women kinsfolk in marriage should consult me first, but I will not stand in the way of any prudent marriage <...> ».

Как можно заметить, в данном фрагменте активно используются дейктическое местоимение 1 лица единственного числа, имя собственное Henry, а также местоимения *me* и *my*, которые указывают на персонализацию высказываний.

При этом если мы взглянем на тексты Русской Правды, датируемые начиная с 1016 года, то обнаружим там отсутствие непосредственного автора (субъекта) высказываний, но при этом сам текст не обезличен, в нем также используются средства персонализации:

«Если убьют вора на своем дворе или в доме, или у хлеба, то так тому и быть; если же додержали его до рассвета, то отвести его на княжеский двор; а если же его убьют и люди видели (его) связанным, то платить за него».

Однако с развитием правовых структур развивался и юридический дискурс, в результате чего последний постепенно склонялся к децентрации субъекта. Так, если мы обратимся к истории англоязычного права, то обнаружим, что в 1215 г. король Иоанн Безземельный подписал «Великую хартию вольностей», ограничившую власть английского монарха. Результатом стало появление правовых актов, именуемых парламентскими статутами. Процедура издания статута предусматривала выработку предложений нижней палаты - так называемый билль. Затем билль, одобренный лордами, направлялся на подпись королю. Конечно подобные изменения наложили свой отпечаток на характер центрального жанра законодательного дискурса – статута, который, утратив индивидуально-авторские черты, превратился в набор обезличенных установлений, потеряв при этом «субъективность». Ярким примером подобного коллективного творчества является документ эпохи Английской Реформации – Sacrament Act (полное название Act against Revilers and for Receiving in Both Kinds) 1547 года. Рассмотрим отрывок из данного закона:

«The saide blessed Sacrament shoulde be ministred to all Christen people under bothe the kyndes of Breade and Wyne, under the forme of breade onelie; And also it is

more agreable to the first Institucion of Christe and to thusage of Thapostells and the primative churche that the people being present shoulde receive the same with the preist that the Priest should receive it alone; Therefore be it enacted by our saide Souvarigne Lorde the King with the consent of the Lordes spirituall and temporall and the Commons in this present parlament assembled and by thauctoritie of the same, that the saide moste blessed sacrament be hereafter commenie delivered and ministred unto the people, within this Church of Englande and Irelande and other the Kings Dominions, under bothe the Kyndes, that is to saie of breade and wyne, excepte necessitie otherwise require...».

Данный документ был утвержден парламентом и подписан королем Эдуардом VI. Однако вопрос о его авторстве остается открытым. Указание в тексте на субъекты, тем или иным образом участвовавших в создании статута (enacted by our saide Souvarigne Lorde the King with the cosent of the Lordes spirituall and temporall and the Commons), не позволяет однозначно ответить на вопрос, кто говорит. Пассивные конструкции (be ministred, be it enacted, be delivered and ministred) делают предписания независимыми от чьей-либо субъективной воли и не контролируемые ею. Рассматриваемые языковые конструкции не только не проявляют признаков утраты продуктивности в дальнейшем в законодательном дискурсе, но, напротив, продолжают развиваться, постепенно вытесняя из законодательных текстов личные предложения.

Схожие явления наблюдаются и в более позднем по сравнению с вышеупомянутой Русской Правдой русскоязычном законодательном документе – Судебнике 1497 года:

«Статья 63. Разбирательство дел о землях. По искам о земле боярина к боярину, монастыря к монастырю, боярина к монастырю или монастыря к боярину устанавливается исковая давность в три года. По искам о земле чернотяглого крестьянина к чернотяглому, или помещика к помещику, получивших землю от великого князя, или черно-тяглого или сельского крестьянина к помещику, или помещика к чернотяглому или сельскому крестьянину также устанавливается исковая давность в три года <...>».

Здесь мы также видим пассивные конструкции, выраженные переходными глаголами в форме страдательного залога. Отметим также, что в обоих фрагментах, приведенных выше, присутствует «строгость слога», что проявляется в четких формулировках, постоянных уточнениях частных ситуаций (это выражается развернутыми синтаксическими конструкциями с большим количеством поясняющих дополнений).

Таким образом, мы делаем вывод о том, что одновременно с процессом развития юридических текстов происходит их постепенный отход от субъекта дискурса [Крапивкина 2010 : 77]. Возникнув как историческая необходимость в результате смены структуры государственной власти, ликвидация субъекта переросла в объективное требование организации юридического текста. Правовая система стремится к тому, чтобы ее предписания были максимально объективными и лишены индивидуальных особенностей автора, что достигается с помощью использования пассивных и безличных конструкций. Пассивизация глагольных конструкций создает и у адресанта, и у реципиента текста впечатление отчуждения от процесса порождения юридического дискурса. Безличные делают закон в высшей степени беспристрастным.

Однако, принимая во внимание все выше написанное, мы не можем утверждать, что понятие субъекта чуждо законодательному дискурсу вообще и юридическому дискурсу, в частности. Ведь его существование обусловлено самой сущностью закона в его общем понимании как права, которое было передано человеку извне и является приоритетным по отношению к человеческим нормам поведения в социуме. Закон – владыка над правителями, а они – его рабы», – писал Платон в диалоге «Законы». Он есть человеческий разум, поскольку управляет всеми народами земли, а политические и гражданские законы каждого народа должны быть не более как частными случаями приложения этого разума [Монтескье 1999]. Таким образом, субъект юридического дискурса не является обезличенной категорией, он присутствует в дискурсе, вплетается в его структуру, находит себе скрипторов, которым диктует волю, требующую объективного выражения.

Важным аспектом в изучении юридического дискурса является также тот факт, что его интерпретация напрямую зависит от типа субъекта, анализирующего дискурс. Каждый субъект, вовлеченный в ситуацию дискурса становится его участником, но, как мы отмечали ранее, участники юридического дискурса бывают разными – и представители юридического института, и клиенты представителей юридического института считаются участниками юридического дискурса. Однако их роли в дискурсивном взаимодействии нельзя назвать равноправными. Ведь, например, юрист, составляющий типовой договор, являясь представителем юридического дискурса, владеет специальной терминологией и создает с помощью нее специфическое поле интерпретации, которое очень отлично от того, в котором находится не-носитель профессионального юридического языка. В процессе интерпретации правовых норм и понятий участники профессионального института действуют исходя из терминологической базы, которая была установлена этим институтом. То есть, интерпретируя правовые ситуации, субъект-юрист обращается исключительно к фактам, использует установленные штампы и клише и создает на основе этого текст, который Т.В. Губарева называет «поток профессионального сознания» [Губарева 1994]. Таким образом достигается единообразие толкования правовых явлений. Однако, когда с ситуацией интерпретации юридического дискурса сталкивается субъект-не-юрист, не имея базы знаний юриста, он анализирует событие в общем и целом, то есть руководствуясь исключительно своими переживаниями. Это приводит к разной интерпретации одного и того же правового явления.

Таким образом, юридический дискурс навязывает каждому субъекту, оказывающемуся в ситуации интерпретации, определенную оценочную и когнитивную базу, а также диктует терминологические ограничения. Исходя из этого, интерпретация в рамках данного типа дискурса существует в двух проявлениях: как экспертный анализ и как осмысление, основанное на феноменологическом опыте. Ранее мы уже упоминали об основополагающей функции транслируемых смыслов внутри юридического дискурса, которые координируют действия внутри юридического сообщества. Эти смыслы, как

правило, неочевидны и непонятны людям извне профессионального сообщества, впрочем, как и его участникам, только начинающим свой профессиональный путь. Они становятся очевидными в часто воспроизводимых ситуациях формализованного типа общения и являются частью культурных сценариев, которые постепенно усваиваются представителями коммуникативного сообщества правовых институтов после исследования повторяющихся ситуаций институционального общения. Следовательно, мы можем утверждать, что любое институциональное действие ситуативно обусловлено. При этом любая коммуникативная ситуация является частью культуры, из чего можно сделать вывод, что анализ дискурса в таком случае связан с анализом культурно маркированных обстоятельств и клишированных моделей поведения. Тогда дискурс есть действие говорящего со всеми его интенциями, знаниями, установками, ценностями и личным опытом, обусловленное контекстом ситуации и культуры [Кубрякова 2004: 419].

Характеристики действий участников юридического дискурса детерминированы функциями дискурса и назначением права как социального феномена. К основным функциям юридического дискурса относятся: 1) регулятивную функцию, заключающуюся в установлении и сохранении норм и ценностей, которые обеспечивают взаимодействие между институтом и обществом, между участниками института и их клиентами и между участниками внутри института; 2) перформативную, выраженную в моделировании особых языков для целей предписания того или иного действия; 3) информативную функцию, роль которой состоит в создании трансляции смыслов. Иными словами, данная функция обеспечивает создание информационных потоков внутри коммуникативного пространства правового института (сообщение о принятом решении, констатация произошедшего факта и пр.); 4) интерпретационную - интерпретация смыслов коммуникативных действий участников дискурса; 5) кумулятивную функцию, отвечающую за накопление и сохранение т.н. «институциональной памяти», которая действует как прецедентная база для участников правового сообщества; 6) стратегическую, выражающуюся в подборе нормативно обусловленных коммуникативных стратегий и тактик для достижения коммуникативных целей; 7)

кодovou функцию, задачей которой является создание специального языка, эффективного для достижения целей юридической деятельности, а также для формирования границ между агентами и клиентами юридического дискурса. Рассмотрим данные функции и способы их реализации в действиях участников юридического дискурса.

Как известно, право – это нормативный регулятор и его ключевым назначением является регулирование социальных процессов. То есть право устанавливает границы для поведения людей, что приводит к стабильности и порядку в общественных отношениях. Таким образом, регулятивная функция отражена в основополагающих концептах юридического дискурса (в концепте права). В нормативном пространстве юридического дискурса представлены нормы различного типа и назначения, включающие конституционные и регулятивные, формальные и неформальные правила, общие ценностные ориентиры социального поведения. Эти типы норм являются основой для сценариев институционального взаимодействия, они определяют желаемое поведение и выражают соглашение, достигнутое участниками институционального дискурса. При этом ожидания участников юридического дискурса по отношению к действиям друг друга также обусловлены нормами и являются своего рода требованиями, которые отвечают определенным ролям и статусам. Именно благодаря нормативности институциональный дискурс обладает высокой степенью прогнозируемости. Так, норма, предстающая в качестве стандарта, определяющего желаемое поведение в конкретном контексте, структурирует институциональные действия. Исходя из такого подхода, действия участников дискурса являются ничем иным как динамичной чередой изменений ситуативных элементов в направлении соответствия нормам права.

Для анализа перформативной функции юридического дискурса, нам необходимо обратиться к толкованию понятия перформативности. В лингвистике принято рассматривать перформативность как действие, выражаемое посредством речи, когда сказать что-то – значит совершить поступок. Характерные примеры перформативных высказываний - формулы клятв, завещаний, формулы заключения

сделок и соглашений. Значимыми условиями перформативности являются устоявшиеся правила процедуры высказывания и соблюдение этих правил говорящим. Для того чтобы перформатив был успешен с юридической точки зрения, он должен строго соответствовать установленной нормами права процедуре (иными словами, должен быть соблюден т.н. «церемониал»). С давних времен в юридическом дискурсе устанавливались символические действия, сопровождающие словесные формулы, для «скрепления» обязательств сторон. Такие символические действия являются публичными свидетельствами сторон и обладают юридической силой. Правовед Ж. Ле Гофф показал, что правовые действия содержат три ключевых элемента: слово, жест и предмет. Участники дискурса произносят слова, совершают определенные действия, после чего вручают или принимают предметы. При этом интересно, что разные культуры с разной степенью преданности и трепетности относятся к сохранению таких ритуальных формальностей. Например, в Англии очень большое внимание уделяется прецедентности ценностных феноменов юридического дискурса – аксиом права и принципов, непрерывность традиций и символов, некогда объявленных нерушимыми. Как результат, это проявляется в многочисленных латинских заимствованиях (*mens rea* – преступный умысел, *ab initio* – с момента совершения, *certiorari* – истребование дела вышестоящим судом, *versus* – против и пр.), французских терминах (*lien* – право наложения ареста на имущество должника, *plaintiff* – истец, *tort* – гражданское правонарушение, *esquire* – вежливое обращение, *plead* – ссылаться), англосаксонских архаизмах (*writ* – предписание, *ordeal* – ордалия, *witness* – свидетель, *deem* – признавать, *moot* – учебный судебный процесс). Помимо этого, в англоязычной традиции юридического дискурса с давних времен установилась традиция использования церемониальных оборотов и этикетных формул типа *with all my due respect to...*, *most gracious...*, *may I respectfully draw one's attention to...* и пр.

Таким образом, юридические клише и символы с течением правовой истории бережно аккумулировались участниками юридического дискурса. Как следствие, такая преемственность опыта и традиций укрепила доверие к праву всех участников юридического дискурса – как агентов, так и клиентов. Храня тесную связь с

многовековым прошлым, юридический дискурс выполняет кумулятивную функцию, выражая в языковых формах преемственность опыта в диалектическом развитии права от одного исторического типа к другому. Создание традиций и приверженность им – это способ создания авторитета права, его величия и беспрекословности следования ему. Это также выражается формулой чем древнее прецедент правовой нормы, тем большей ценностью он обладает в глазах тех, кто его применяет. Величие права создается также посредством его презентации. Так, семиотика здания суда помогает институировать авторитет судьи, здание парламента – авторитет законодателя. Смысл ритуалов (например, процедуры заключения договора с присутствием обеих сторон и скреплением сделки печатью и подписями сторон.) и сопровождающих их коммуникативных формул заключается в повторяющейся актуализации институциональных символов. Однако сохранение языковых традиций также влечет за собой некоторые негативные последствия: неясность архаичных терминов, длинные предложения, перегруженные повторяющимися устойчивыми формулами, выполняющими скорее роль визуального обрамления, превращают чтение правовых документов неспециалистом в настоящее испытание. В плане компетенций, возможности понимания и использования правовой информации, юридический дискурс во многом остается закрытой областью профессиональной коммуникации, недоступной любому человеку - неспециалисту. Язык, таким образом, реализует кодовую функцию. Само коммуникативное действие становится зашифрованным для людей извне профессионального сообщества.

В юридическом дискурсе понятие перформативности неразрывно связано с понятием фактуальности. «Перформативность как аспект коммуникации организует факты в сознании участников юридического дискурса в соответствии с ценностными доминантами, определяющими профессиональную картину юридического мира, с одной стороны, и в соответствии с актуальными смыслами реального общения, с другой стороны» [Карасик 2007]. В юридическом дискурсе связь между фактами является нормативной, она установлена волею субъекта нормотворчества и выражается логико-синтаксическими конструкциями: «если...,

то...»: если действиями определенного участника юридического дискурса осуществляется факт А, то должен последовать его результат, выражающийся фактом Б. В основе данной схемы лежит логическая операция присоединения к действиям лица их правовых последствий (в английском языке для данного явления применяется термин *imputation*). Нетрудно заметить, что такого рода связи во многом обусловлены ценностными доминантами культуры. Аксиологический концепт справедливости, характеризующий такого рода связи, во многом обусловлен культурой. Действительно, степень возмущения, которое вызывает в нас конкретный факт, различна в разных культурах. Устанавливая связь между фактами, норма создает приоритетную формулу действий и одновременно формулу интерпретации действий для участников юридического дискурса («если субъект дискурса совершает правовое действие А, то оно должно иметь совокупность признаков Б, В, Г», и также «если имеются признаки Б, В, Г, то это действие А»). Таким образом, в юридическом дискурсе прослеживаются тесные взаимосвязи между перформативными, фактуальными и ценностно - нормативными характеристиками дискурса в целом и действиями его конкретных участников.

Стратегическая функция юридического дискурса проявляется в выборе нормативно детерминированных стратегий и тактик взаимодействия. Стратегия – это некая схема коммуникативных ходов, которую необходимо применять в случае, если участники юридического дискурса хотят достичь с помощью средств права определенных коммуникативных целей. Юридический дискурс априори есть стратегическое явление, поскольку его задача в решении правовых ситуаций, характерным контекстом которых являются «жизненные обстоятельства». Согласно мнению правоведа С.С.Алексеева, жизненные обстоятельства – это «исходный пункт права в реальной жизни общества. Именно с них, с этого «начала начал», в мире права все начинается; и именно отсюда разворачивается вся сложная, многоуровневая и многослойная цепь правовых средств, механизмов и процедур» [Алексеев 2001]. Правовая ситуация является ключевым образующим элементом всех правовых сюжетов. «Жизненные обстоятельства», получая воплощение в языке при помощи правовых понятий и терминов (например, сделка, договор, аренда,

поручительство и др.), реализуются через различные форматы решения «правовых ситуаций» (такие как: переговоры, допрос, очная ставка, судебное заседание и пр.). Юридический дискурс предоставляет имеет в своем распоряжении стратегии взаимодействия для решения различных правовых ситуаций, он реализует стратегии принуждения и дозволения, стратегии предостережения, одобрения и поощрения и т.п. Выбор определенной стратегии дискурса неизбежно влечет за собой выбор соответствующих речевых средств и жанров (ходатайство, жалоба, допрос, заявление и т.п.). Все они нормативно закреплены в рамках юридического пространства и включают в себе указания на цели действий, участников этих действий, их права и обязанности, процессуальный порядок и в завершении закрепление произведенных действий в соответствующем документе. Коммуникативное действие является структурным элементом жанра. Говоря о речевых актах, характерных для поля юридического дискурса, мы держим в уме прежде всего следующие их типы: директивы и императивы, перформативы, репрезентативы и декларативы. Каждый из перечисленных типов речевых актов может быть использован как тактика общения, при этом цель применения любого из них одна и та же, а именно достижение цели коммуникации и смена сюжетных поворотов в коммуникации.

Как мы видим, проанализированные функции юридического дискурса находятся в тесной взаимосвязи – они зависят друг от друга, часто использование одной из них влечет за собой применение другой, а главное – все функции проявляются в действиях участников юридического дискурса и в реализуемых смыслах общения. Указанные функции детерминированы возникающей в правовом институте социальной потребностью и предназначены для урегулирования социальных отношений. Данный процесс обеспечивает моделирование нормативного поля, в рамках которого осуществляется взаимодействие всех участников дискурса; он также продуцирует жанровые сценарии для повторяющихся действий и связанных с ними ожиданий; обеспечивает продвижение социокультурных ценностей и приоритетных целей, действие которых направлено на создание и поддержание авторитета права; гарантирует преемственность

исторических институциональных традиций и их выражение в символических структурах права; а также предоставляет возможность создание специального языка - кода, который способствует продуктивному и оперативному взаимодействию участников в рамках данного института.

1.4 Юридический дискурс как лингвокультурное явление

Исследуя явление дискурса, Т. ван Дейк принимал во внимание зависимость дискурса от социального и культурного контекста, в рамках которых он был сформирован. При этом, юридические системы с точки зрения лингвокультурологии – это выражения ценностных ориентиров национальной культуры (представления о праве, концепте справедливости, интерпретация правового субъекта и пр.). Следовательно, функция права состоит не только в правотворческой деятельности, но и в реализации общих ценностей культуры, которые выражаются в правовых процедурах, традициях, символах юридического дискурса (как вербальных, так и невербальных). Таким образом, данные аспекты, реализующиеся в действительности являются отражением культурных традиций, закрепившихся в сознании носителей языка конкретной культуры, и выступают в качестве маркеров, знание которых позволяет носителям языка сформировать верную для конкретной ситуации модель поведения. Так, например, в англоязычной культуре черная шапка на голове судьи в Англии являлась маркером, предписывающим дальнейшее развитие судебного слушания, поскольку означала, что судья будет зачитывать смертный приговор, а красный портфель в руках английского адвоката означает, что он несет документы, переданные ему королевским адвокатом.

Таким образом, мы можем справедливо отметить, что изучение дискурса с позиций лингвокультуры направлено на несколько ключевых аспектов: во-первых, на выявление специфики общения в рамках определенного этноса, во-вторых, при интерпретации дискурса с точки зрения лингвокультуры, большое внимание уделяется определению установленных формул речевого поведения, а также характеристике культурных доминант, выраженных концептами как единицами

ментальной области; кроме того, целью лингвокультурного исследования дискурса является обнаружение методов адресования участников общения к прецедентным текстам их лингвокультуры. Необходимо указать, что лингвокультурология оформилась как самостоятельный раздел лингвистики вследствие признания основополагающего значения этнокультурного наследия языка в рамках изучения последнего. Ведь действительно человек, будучи частью определенного этноса, а, следовательно, носителем культуры данного этноса, неосознанно и бессознательно следует лингвокультурным моделям речевого поведения. Как известно, единицами изучения лингвокультурологии являются концепты, которые Карасик назвал «основными ячейками культуры в ментальном мире человека», существующими в виде понятий, знаний, ассоциаций, переживаний в сознании человека» [Карасик 2000: 39]. Концепты замещают значения в индивидуальном сознании, суммируя в себе «отклики на предшествующий языковой опыт человека в целом - <...> прозаический, научный, социальный, исторический и т.п.», и образуют в своей совокупности концептосферы как индивидуальной личности, так и определенной группы и народа в целом [Карасик 2000: 39]. Концепты связаны с конкретными ситуациями в памяти людей, и эти ситуации подводятся под сценарий, именуемый соответствующим концептом, например, концепт юридического дискурса «закон» связан с правовыми ситуациями послушания или непослушания закону или правовой норме, и дальнейшей ситуацией влечения правовой ответственности одной из сторон. Лингвокультурология выявляет в языковых единицах культурное наследие на основе соотнесения прототипной ситуации языковой единицы с «кодами» культуры, известными носителю языка.

Все концепты, присущие конкретной культуре образуют ценностную картину мира - часть языковой картины мира, которая представлена в виде взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными, моральными кодексами, типичными литературными сюжетами; а в рамках такой картины на определенном этапе развития культуры выделяются ценностные доминанты – то есть основополагающие для данной культуры смыслы, совокупность которых образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке

[Карасик 2002 : 5]. Особую роль в аккумуляции культурного опыта народа играют прецедентные тексты, то есть те тексты, которые должны быть хорошо известны представителю данной культуры. Установлено, что прецедентные тексты существуют в сознании носителей языка как лингвокультурные концепты, обращение к которым происходит в рамках дискурса путем упоминания, прямой цитации, квазицитации, аллюзии или продолжения [Карасик 2001 : 41]. Поскольку в нашей работе речь идет о конкретном типе дискурса – юридическом, укажем, что касательно аллюзий к прецедентным текстам речь идет не о текстах, относящихся ко всей этнокультуре, а о прецедентных текстах, сформировавшихся в рамках правовой деятельности (культуры) – например, более ранние правовые документы и процедуры.

Этнокультурные модели поведения выявляются в различных речевых образованиях, например, в речевых рефлексах - определенных структурах, используемых в речи не с номинативными целями, а для выполнения речеорганизующих (дискурсивных), модальных, аргументативных функций, дискурсивных словах как отражениях этнокультурных стереотипов поведения. Например, фразы такого рода: *вменить вину, я, нижеподписавшийся, подтверждаю верность вышеприведенных сведений, в соответствии с требованием статьи ТК РФ, to give due notice, unless the context requires otherwise и т.д.* Этнокультурные характеристики дискурса отчетливо прослеживаются в речеповеденческих ситуациях. «Типичной речеповеденческой ситуацией можно назвать регулярно повторяющийся «фрагмент социальной жизни»: приветствия, просьбу, благодарность, ритуал обсуждения цены при частной покупке, запрещение (или разрешение) и т.д.

И.А. Стернин предлагает следующую модель описания коммуникативного поведения внутри определенной лингвокультурной общности: 1) очерк национального характера, 2) доминантные особенности общения народа, 3) вербальное коммуникативное поведение (нормы речевого этикета в разных стилистических жанрах) [Стернин 1989]. Рассмотрим каждый аспект в срезе русскоязычной и англоязычной юридических традиций.

Как известно, язык является отражением национального характера любого этнокультурного сообщества. При этом каждый язык имеет свой ритм, размер, структуру. Славянофильская концепция считает, что сущность русской культуры, заключенная в стремлении проникнуть в суть явления, тесным образом связана со структурой языка. В частности, К. С. Аксаков утверждает, что формам русского языка не свойственно устойчивое выражение времени ни прошедшего, ни настоящего [Аксаков 1985]. Анализируя глаголы, ученый приходит к выводу, что пренебрежение в русском языке категорией времени, объясняется тем, что она представляет собой продукт рационалистического подхода к жизненному опыту. Значение форм русского глагола направлено на выявление качественной сущности действия: протяженности, кратности, интенсивности, исчерпанности. При этом утверждается, что язык наш обращает внимание на внутреннюю сторону, иными словами в русскоязычной традиции вопрос «как» - вопрос сущности самого действия, а вопрос «когда» - это внешнее проявление действия. В английском языке – напротив, категория времени глагола – один из основополагающих аспектов успешной коммуникации. Более наглядно эта разница ощущается при сравнении количества временных форм, представленных в двух языках. Так мы увидим, что в современном русском языке представлено три временных формы: настоящее, прошедшее и будущее (которое может образовываться по двум парадигмам: простой и составной). Если же обратиться к грамматике английского языка, то там мы обнаружим, что форм времен четыре - Present, Past, Future, Future-in-the-Past. Однако в зависимости от того, является действие завершенным или длительным, каждое из четырех времен может быть четырех типов – simple, continuous, perfect и perfect continuous. Таким образом, в английском языке существуют шестнадцать временных форм. Такая существенная разница в восприятии временного пространства и происходящих в нем событий объясняется разницей национальных сознаний двух культур.

Одним из основных различий между русским и английским языками заключается в том, что русский тип сознания - мифологический, а у англичан - рациональный. Поэтому для русского характера свойственно придание сакральных

значений происходящим событиям. Иными словами, для русского сознания присуще состояние неспособности управлять положением дел, зависимость от воли высших сил, оно также характеризуется зависимостью от степени осведомленности субъекта, восприятия его окружающими, мимическими проявлениями, предписанием о регуляции эмоционального поведения и этической оценкой. В языке это проявляется отсутствием «формульных» типов высказывания (что проявляется, например, в свободном порядке слов в предложениях), в многочисленных употреблении развернутых конструкций, осложненных большим количеством второстепенных членов предложения. На уровне лексики можно отметить достаточно широкое применение метафор и гипербол, синонимичных рядов. Английское сознание носит более индивидуалистский характер, не зависимый от мнения окружающих и основанный на рациональных суждениях. Поэтому английский язык имеет более четкую структуру (закрепленный порядок слов – строгие синтаксические формулы, грамматические формулы, интонационные паттерны). Можно сказать, что английский более «хладнокровен» в сравнении с русским, где большую роль играет аксиологическая и эмоциональная составляющая языка. Этот факт одновременно проявляется в более разнообразном словарном запасе русского языка и более четком формулировании идеи-ядра высказывания в английском языке.

Рассмотрим доминантные особенности общения двух разноязычных народов. Для английского коммуникативного поведения характерны низкий уровень громкости, немногословность, высокий уровень эмоциональной сдержанности, отказ от категоричности суждений (англичане не любят давать категоричные оценочные характеристики и суждения); антиконфликтная ориентация общения; строгое соблюдение тематической табуированности общения, выражающаяся в жесткой тематической регламентации общения, очень высокий уровень фатического (светского) общения.

Ю.Б. Кузьменкова перечисляет свойства речевого поведения, присущие англоязычным людям, отталкиваясь от ключевого для их культуры концепта личного пространства, которое играет роль защитной оболочки, благодаря которой

держится дистанция с собеседником. При этом дистанция в англоязычном общении не ограничивается физическим расстоянием между участниками коммуникации. Помимо прочего между ними сохраняется социальная и даже интимная дистанции. Методы дистанцирования в коммуникативном поведении членов английской культуры очень разнообразна, однако все они преследуют одни цели: не быть прямолинейным и не молчать. Нельзя выходить за рамки тем, детерминированных этикетом, неприлично затрагивать серьезные проблемы (политика, денежная сфера, проблемы личной жизни), желательно свести общение к обмену дежурными репликами. И при этом, дурным тоном считаются длительные паузы [Кузьменкова 2001]. Иными словами, общение при таких условиях очень поверхностно и обезличено. Для достижения такого коммуникативного эффекта установлен целый набор речевых приемов для поддержания непринужденной беседы, путем реагирования на реплики адекватно ситуации, избегая при этом какого-либо проявления антагонизма по отношению к точке зрения собеседника. Именно уважение к своему и чужому личному пространству, а также индивидуалистическое мировоззрение особенно ярко проявляются в речевом поведении британцев. Примерами этому являются широко используемые формулы побуждения, когда говорящий вынужден «посягать» на свободу другого.

Для русской коммуникативной культуры подобные стратегии речевого поведения нетипичны. В русском языке широко применяются императивные конструкции для выражения просьб, приказов. Кроме того, в рамках русского речевого поведения вполне принятым является коммуникативное давление на собеседника.

Что касается проявления концепта правопорядка и приверженности к соблюдению норм поведения в дозволяющих рамках права, то здесь мы также можем обнаружить существенные различия двух культур. Так для внутри англоговорящей культуры более характерно уважение права и приверженность к соблюдению норм поведения в сравнении с русской традицией пренебрежения правом как явлением, регулирующим взаимоотношения участников социума. Более

того, для русского менталитета свойственна ответственность исключительно в ситуации наличия внешнего контроля и прямой вероятности несения наказания.

Говоря о вербальном общении в контексте официального формализованного общения, мы обнаружим интересный факт: в обоих языках (русском и английском) меняется регистр речи, включая изменения в выборе лексических форм, синтаксических конструкций и особой грамматики. Однако, если проанализировать степень изменения речи в зависимости от того, происходит ли она в контексте неформального или формального общения, то мы увидим, что в английском языке формальное общение отличается от персонального не так разительно, как в случае с русским языком. Это объясняется опять же «северным спокойствием» англичан, которые даже в рамках частного межличностного общения сохраняют определенные границы дозволенных тем, а, следовательно, и использования лексики.

2. Языковая специфика правовых документов в русской и британской лингвокультурах

2.1. Структурно-композиционные особенности правовых документов

Перед непосредственным разбором параллельных текстов правовых документов следует указать, что в качестве исследовательской базы нами были выбраны несколько типов такого рода документов: трудовой договор, агентский договор, договор аренды, договор об оказании услуг.

В России нет регламента, определяющего типовую форму договора как правового документа. Так, например, в статье 434 Гражданского Кодекса РФ указано: «договор может быть заключен в любой форме, предусмотренной для совершения сделок». В британской юридической традиции также нет предписанной формы договора, и она свободно избирается сторонами.

Являясь нормативно-правовым документом, любой договор представляет собой единую систему взаимосвязанных норм, которые все вместе и каждая в отдельности обязательны для обеих сторон. Что касается структуры договоров, отметим, что характерным для данного типа текстов является рубрикация, которая выражается визуальным выделением пунктов и подпунктов. В качестве средств рубрикации используются арабские цифры или буквы. При этом, более крупные в сравнении с абзацами рубрики (например, части, разделы, графы или параграфы) могут быть обозначены римскими цифрами и быть озаглавлены. Рубрикация делает юридические тексты подчеркнуто логическими и аналитическими.

Если мы взглянем на структуру договоров, то с точки зрения логики их как правило можно разделить на три основные части (и это касается как русской, так и британской лингвокультуры):

- преамбула: в этом композиционном компоненте указываются мотивы заключения договора и его цели, а также представляются стороны-участники;
- содержание договора: сюда входят статьи договора, детерминирующие предмет договора, права и обязанности сторон;
- заключительная часть: постановления о порядке вступления договора в силу, сроке действия и его прекращения.

Однако, если речь идет о выделении более четкой структурной организации правового договора, то можно выделить следующие

основополагающие структурные компоненты, необходимые для построения типового договора:

1. Название договора.
2. Преамбула.
3. Предмет договора.
4. Права и обязанности сторон.
5. Цены и порядок расчетов.
6. Ответственность сторон.
7. Срок действия договора.
8. Прочие условия.
9. Реквизиты и подписи сторон.

Наличие вышеуказанных элементов структуры в договоре является неотъемлемым условием как договора, составленного на русском языке, так и англоязычного правового документа. Однако существуют определенные расхождения в их оформлении, порядке, а для некоторых из них - в условии облигаторности в рамках правового документа. Так, например, можно обнаружить, что в рамках русскоязычного юридического дискурса характерны развернутые формулы наименования документа, уточняющие специфику конкретного договора:

1. *Долгосрочный договор аренды № АР-ДА-01/11 нежилых помещений на 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 этажах Здания, расположенного по следующему адресу: Россия, 127018, г. Москва, ул. Двинцев, дом 12, корпус 1;*
2. *Договор о сотрудничестве в области международного туризма №68*
3. *Договор на размещение в гостиницах «Холидей ИНН Москва Лесная» и «Холидей ИНН Москва Сущевский» №107.*

Данные названия договоров являются наглядным примером характерной особенности многих нормативно-правовых документов, составленных в России – стремления к максимальной детализации и конкретизации, которые реализуются в языковом воплощении в громоздких структурах, порой трудно поддающихся быстрому осмыслению. В действительности подобные названия уже заключают в себе предмет и содержание самого договора. В британской практике составления

договоров принято не выносить «избыточную» информацию в их названия, а ограничиваться лаконичными *Agreement, Contract* с такими же лаконичными дефинициями (*Long-term Lease Agreement*). При этом вся исчерпывающая информация касательно содержания договора (иными словами, о чем составлен договор и ради чего) отражается в соответствующем разделе «Предмет договора». Кроме того, что русскоязычные названия как правило более длинные, они также выражены постпозитивными словосочетаниями: *amendment* – *договор о внесении изменений дополнений*, *pledge* – *договор залога*.

Также на примере исследованных нами типовых договоров можно заметить, что в русскоязычной традиции допускается частичное указание реквизитов, а конкретно – адреса расположения сторон или одной из сторон в рамках структурного компонента преамбулы, что не характерно для аналогичных документов в рамках британского юридического дискурса:

«ООО «Энергетические технологии», расположенное по адресу: Россия, 119590 г. Москва ул. Минская, д.1, в лице Генерального директора г-на Тхака В.В <...>, именуемого в дальнейшем «Покупатель», с одной стороны, и ЗАО «Шнейдер Электрик», расположенное по адресу: РФ 129281 Москва. Ул. Енисейская, 37, стр. 1, в лице Руководителя отдела проектных решений г-на Будаева А.И. <...>, см другой стороны, заключили настоящий Контракт о нижеледующем...»

Иногда в тексте преамбулы помимо адреса могут указываться также и банковские реквизиты, как в данном примере:

Туристическая компания ООО «Самаринтур-С», расположенное на улице Самарская, 51, в городе Самара, стране Россия, номер ИНН 6317106374 тел. +7 (846) 279-20-40, факс 340-14-85, в дальнейшем ТУРОПЕРАТОР, в лице Генерального Директора Сегал Серафимы Михайловны, с одной стороны, и TOURFINTEK S.L., в лице Генерального Директора Тараниной Светланы Яковлевны, с другой стороны. Tourfintek S.L. является компанией, предоставляющей туристические услуги для клиентов, в частности, в сфере логистики, маркетинга и централизованной системы оплат, и действует в настоящем контракте как представитель: BEDSWEB ООО, ИНН В 55200687, которое в рамках настоящего контракта

находится по адресу: Av. Vila de Blanes, 44, 2do piso 17310, Ллорет де Мар. Жирона, Испания. Все услуги будут оказаны выше представленными компаниями от лица Tourfintek. Вышеуказанные стороны заключили настоящий Контракт о нижеследующем <...>».

Как мы видим, в преамбуле фактически прописаны реквизиты сторон. Кроме того, дается дополнительная информация об одной из сторон – о роде ее деятельности. Такое подробное содержание преамбулы объясняется требованиями ГК РФ, согласно которому предусмотрено, что для заключения сделки лицо должно иметь полномочия на совершение сделки, в противном случае сделка может быть признана судом недействительной, что обязывает составителя правового документа включать в текст информацию о правовом статусе лица, участвующего в совершении тех действий, которые регламентируются в договоре. Таким образом, указание того факта, что представитель одной из сторон действует на основании доверенности является неотъемлемым требованием при оформлении договора в рамках русскоязычной правовой лингвокультуры. Отметим также, что в тексте контракта мы встретим дублирующую информацию: в разделах «Предмет договора» и «Обязанности сторон» мы увидим информацию о роде деятельности вышеупомянутой организации Tourfintek, а раздел «Реквизиты» в свою очередь содержит полную информацию о местонахождении и банковских данных обеих сторон сделки, которая частично была указана в преамбуле к договору. Подобные рекурсии – достаточно распространённое явление в русскоязычных юридических документах. Что касается англоязычной традиции – в них практически не встречается дублирование ранее упомянутой информации и в принципе для англоязычных текстов более характерна лаконичность высказываний.

Следующий раздел – предмет договора – является ядром любого типа договора как в русской, так и в англоязычной юридической лингвокультуре, так как предмет договора по сути являет собой то, по поводу чего возникают права и обязанности и на что они направлены, т.е. основание для заключения правового документа. Таким образом, в предмете договора излагаются его основные положения – основные правовые обязательства сторон, вступающих в процесс

взаимодействия в рамках юридического дискурса конкретной ситуации, сценарий действий для которой прописывается в тексте договора. Рассмотрим примеры из разных типов договоров:

1. В соответствии с настоящим Договором Аренды Арендодатель предоставляет Арендатору, а Арендатор принимает от Арендодателя во временное владение и пользование (в аренду) Помещения на 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 этажах Здания, площадью 7 330,5 кв. м. в соответствии с измерениями.

2. Цель Договора – сотрудничество в сфере развития международного туризма. В рамках настоящего соглашения Тур-Агент действует от имени и по поручению Тур-Оператора и наделяется правами по продаже комплекса туристических услуг Тур-Оператора физическим и юридическим лицам и Тур-Агент обязуется оплатить заказанный туристический сервис Тур-Оператору.

3. По настоящему Договору Работодатель обязуется предоставить Работнику работу по обусловленной в настоящем Договоре трудовой функции, обеспечить условия труда, предусмотренные действующим трудовым законодательством, локальными нормативными актами Работодателя, своевременно и в полном размере выплачивать Работнику заработную плату, а Работник обязуется лично выполнять определенную настоящим Договором трудовую функцию, соблюдать действующие в организации правила внутреннего трудового распорядка, другие локальные нормативные акты Работодателя, а также выполнять иные обязанности, предусмотренные трудовым договором, а также дополнительными соглашениями к нему.

Итак, мы видим, что в 1-ом примере для указания предмета договора использована лаконичная структура с четкой формулировкой основания договора – аренда помещений на этажах здания с 1 по 7 этаж с указанием общей арендуемой площади. Во 2-ом случае сначала составитель предоставляет основание в форме генерализации, а затем указывает детализирующие уточнения. Третий пример из трудового договора – наиболее крупный по объему текста и содержит большее количество обязанностей обеих сторон, которые затем вновь будут дублироваться в следующем разделе – «Права и обязанности сторон». Кроме того, он также имеет

ссылки на прочие правовые и нормативные документы (внутренний трудовой распорядок, локальные нормативные акты) и даже институты (трудовое законодательство).

Теперь посмотрим на выдержки из разделов, посвященных предмету договора, в англоязычных договорных текстах:

1. *The Landlord leases to the Tenant, and the Tenant rents from the Landlord the premises, as defined herein, containing 48,890 square feet of Rentable Area on the 4th and 5th floor of the Gibson Building at 433 North Capitol Ave., Indianapolis, Indiana 46204 (the "Building"), which is located on Square 14 of the Donation Lands of the City of Indianapolis;*

2. *PURPOSE: VISIT FLORIDA hereby engages the Contractor to provide presentation and marketing services for: Bahrein, Kuwait, Oman, Qatar, Saudi Arabia-United Emirates, Lebanon, Jordan, Syria; and Egypt. The Contractor's main objectives are to ensure optimal integration of all travel trade sale initiatives and increase Florida's tourism market share;*

3. *The Company hereby employs the Employee and the Employee hereby agrees to serve in its capacity in accordance with paragraph 8 below (the "Employment Period").*

Как мы видим, исходя из вышеприведенных примеров, колоссальных различий в содержании и оформлении предмета договора между русскими и английскими вариантами нет.

Типовые компоненты структуры договора 4 – 6 (Права и обязанности сторон, Цены и порядок расчетов, Ответственность сторон) не всегда выведены отдельной рубрикой в тексте договоров, так как иногда информация о данных аспектах взаимодействия агента и контрагента может быть полностью или частично отражена в другом разделе или разделах. Так, например, права и обязанности сторон могут быть отражены в преамбуле к документу или в разделе о предмете договора:

1. *Согласно настоящему Договору Агентство обязуется в период действия Договора оказывать услуги по поиску и привлечению потребителей, заинтересованных в услугах проживания в гостинице «Ибис Отель Самара», расположенной по адресу; 443011 Россия, г. Самара, ул. Ново-Садовая 160 Д, здесь*

и далее по тексту именуемых «Клиенты», на условиях, установленных настоящим Договором, реализовывать Клиентам услуги по размещению, а Гостиница обязуется оплатить услуги Агентства;

2. The Receiving Party shall provide the Sending Party a complex of paid tourist services (accommodation, transfer, guide services). The excursion service, car rental, VIP services and other services ordered by the Sending Party may be provided in addition to the indicated services. All other services provided by the Receiving Party to tourists and other customers not stipulated in the Application of the Sending Party shall not be the subject matter of the Contract.

Однако права и обязанности сторон могут быть оформлены отдельной рубрикой и как правило данный раздел является самым объемным в тексте договора с большим количеством подпунктов, поскольку содержит предписывающую информацию для обеих сторон, необходимую для регулирования их взаимоотношений в правовом контексте для достижения цели договора. С точки зрения структуры и композиции русский и английский варианты этого раздела фактически идентичны и очевидная разница может проявляться лишь на других уровнях (например, лексическом или грамматическом).

Ответственность сторон в русскоязычных договорах может быть прописана в рамках вышеуказанных разделов:

Лицо, подписывающее контракт за и от имени Клиента, гарантирует, что оно обладает полномочиями, необходимыми для подписания контракта. В случае отсутствия таких полномочий, подписавшее контракт лицо несет личную ответственность за выполнение обязательств по настоящему контракту.

Для англоязычной традиции составления правовых документов вынесение ответственности сторон в отдельный раздел является обязательным требованием (что, как мы указывали ранее в нашем теоретическом исследовании, связано в первую очередь с многовековой культурой возвеличивания института права, законопослушности и уважения к соблюдению регулирующих норм поведения).

Пункт о ценах и порядке расчета для обеих сторон всегда является ключевым наравне с предметом договора. Здесь стоит отметить, что с точки зрения

структурно-композиционных особенностей русский и английский юридический текст не отличаются – точное указание условий, сроков и суммы расчета по предоставляемым услугам (агентские услуги, услуги по предоставлению помещения в аренду, трудовые услуги и пр.). Договор не может существовать без указания цен за оказываемые услуги. Однако бывают случаи, когда договорное условие о цене отсутствует в тексте договора. Как правило, это вызвано тем, что точная цена была неизвестна контрагентам в момент заключения договора. В таком случае они могут либо указать в договоре приблизительную цену с возможностью ее последующей корректировки, либо не включать стоимость в договор. Тем не менее, поскольку рассматриваемые нами договоры возмездного оказания услуг всегда подразумевают плату одной стороны в пользу второй, то даже в случае, когда в тексте не обозначена конкретная денежная сумма, всегда указывается примечание о том, что цена и порядок расчетов устанавливаются по согласованию сторон (например, путем подписания дополнительных соглашений, протоколов согласования цены, предварительной оплаты выставленных счетов, устного согласования заявок с последующим отражением согласованной цены в накладных или актах приема-передачи):

Cost of work is calculated at the rate of tariffs determined by agreement of the parties and adopted at the level of tariff rates for transportation services.

Цена настоящего контракта определяется согласно оказанных услуг и работ на основании выписанного счета.

Условие о сроке действия договора не является существенным с точки зрения структурно-композиционной организации документа, однако представляет интерес для сторон, заключающих между собой соглашение. Таким образом, редко можно встретить текст договора без указания срока, в течение которого он имеет правовую силу. Отметим, что данное правило распространяется в равной степени на русскоязычные и англоязычные юридические документы.

Раздел «Прочие условия» не является обязательным и добавляется в случае необходимости по соглашению обеих сторон и при условии, что это продиктовано конкретным видом договора. К прочим условиям могут быть отнесены такие

аспекты как количество экземпляров договора, порядок оформления изменений и дополнений. Кроме того, иногда в данный раздел может быть включена информация о сроке действия договора. Прочие условия с большей вероятностью можно встретить в договорах, составленных в России, особенно это касается сведений о количестве экземпляров и подтверждения подлинности каждого из них. В англоязычной традиции составления договоров подобный раздел можно увидеть в основном исключительно в договорах поставки.

Что касается реквизитов сторон – этот раздел является обязательным условием любого договора, так как содержит все сведения о сторонах, вступающих в правовые взаимоотношения, а главное – данные о лицах-представителях сторон, подписывающих договор, которые далее будут являться ответственными по все вопросам, касающихся условий документа и ситуация, возникающих в рамках его действия. Как и в русскоязычном тексте, британский вариант раздела договора с реквизитами сторон всегда присутствует в договоре является его неотъемлемой частью. Однако он по-разному реализуется в текстах русскоязычных и англоязычных. Так, например, если мы проанализируем договора, составленные в России, то обнаружим, что раздел с полными реквизитами двух сторон, составивших договор, всегда является заключительным содержит: наименование организаций, их вид (*ООО, ЗАО, АО* и пр.), их юридический адрес с указанием почтовых индексов и телефонных номеров, банковские реквизиты (номер расчетного счета, учреждение банка, корреспондентский счет банка, БИК), а также имена и должности лиц-подписантов с графой для личной подписи и печати. Посмотрим на примере реквизитов одной из сторон долгосрочного договора аренды, составленного в городе Москве:

Арендатор:

ЗАО «Шнейдер Электрик»

Юридический адрес: 129281 г. Москва, ул. Енисейская, д.37, стр. 1

ИНН 7712092928

КПП 771601001

ОГРН 1027739393637

ОКВЭД 51.65.5, 51.65.6

ОКПО 45857235

Креди Агриколь КИБ ЗАО (Московский филиал)

р/с 40702810800020001987

к/с № 30101810400000000843

БИК 044583843

Генеральный Директор

Жан Луи Стази

Отметим, что для англоязычных договоров характерно несколько иное использование реквизитов сторон в рамках договоров. Прежде всего, в реквизитах, как правило, указывается дата договора, что не характерно для русскоязычно традиции, в рамках которой принято указывать дату в самом начале договора – сразу после названия, в правом верхнем углу. Кроме того, в английских текстах договоров непринято указывать банковские сведения сторон и коды организаций. Иными словами, название «реквизиты» не вполне подходит для заключительного раздела англоязычного текста договора, более правильно было обозначить его как юридические адреса сторон (Legal Addresses of the Parties). Тем не менее, англичане так же, как и русские указывают адреса с контактными телефонами сторон, имена подписантов и их должности:

Dated: 14/08/2010

As Witness the hands of the parties the day and the year first above written

Signatures: Client: Performix Business Services LLC

Witnesses: Name: _____

Title: Project Manager

Address: P.O. Box 9003, 4 Cornmarket Street, Oxford OX

Tel.: +44 1865 790603

Description: Ariel Cornwell

Таким образом, рассмотрев ключевые разделы договоров в русско – и англоязычных нормативно – правовых текстах, мы обнаружили как схожие, так и различные черты. Во-первых, мы определили, что обязательными для договоров

двух юридических лингвокультур являются наличие названия договора, преамбулы, раздела о предмете договора, а также сведения о сторонах, заключивших правовое соглашение. Прочие разделы можно считать дополнительными, так как они не всегда выделяются в договоре отдельными пунктами и их содержание может быть отражено в основных разделах. Во – вторых, в рамках нашего анализа мы обнаружили, что структурно-композиционная организация русскоязычных договоров более подвижна по сравнению с англоязычными документами, формат которых более регламентирован и составители которых больше придерживаются сложившихся традиционных для юридического дискурса правил оформления подобного рода правовых текстов. Кроме того, мы также выявили характерную для русской лингвокультуры тенденцию к информационному переизбытку, что как следствие приводит к рекурсиям в тексте, когда ранее указанная информация дублируется в последующих разделах.

2.2. Функциональные стили, реализуемые в текстах

Функциональный стиль – это исторически сложившаяся, общественно осознанная речевая разновидность, обладающая специфическим характером речи, сложившимся в результате реализации особых принципов отбора и сочетания языковых средств в той или иной социально значимой сфере общения и деятельности, соотнесенной с определенной формой сознания, – например, наукой, искусством или как же таким глобальным институтом, как право. Вопрос о стилистическом значении языковой единицы в науке рассматривается неоднозначно в силу того, что функционального стиля в так называемом чистом виде не существует. Как мы помним, в настоящее время традиционно выделяют следующие основные функциональные стили: официально-деловой стиль; научный стиль; публицистический стиль; разговорный стиль; художественный стиль. В случае с юридическими текстами многие лингвисты разделяют мнение о том, что юридический язык обладает стилевой самостоятельностью. Конечно, не всеми и не всегда признается самостоятельное существование стиля юридического языка. Как

правило, указывается, что стилистическую основу юридического языка составляет официально-деловой стиль. Как и другие языковые стили, он имеет определенную коммуникативную цель и собственную систему взаимосвязанных языковых и стилистических средств. Главная цель этого вида функционального стиля — определить условия, связывающие две стороны, и достичь соглашения между двумя договаривающимися сторонами.

Как известно, наша работа посвящена анализу текстов договоров. Язык договоров обслуживает сферу договорных отношений. Здесь речь идет о гражданско-правовой сфере, в которой договор как письменный документ занимает центральное место и имеет свой специфический язык. Справедливо будет отметить, что доминирующим функциональным стилем, реализующемся в русскоязычных юридических текстах правовых договоров, исследуемых нами, является официально – деловой стиль.

Первостепенными для официально-делового стиля являются следующие черты: логичность, официальность, безэмоциональность, точность, стереотипность. Каждый из перечисленных аспектов достигается благодаря клишированности текста – соблюдение организации документа по устоявшейся схеме (о чем мы писали ранее – соблюдение устоявшихся структурно – композиционных особенностей); использование официальной юридической лексики с нейтральной аксиологической окрашенностью; максимальная объективность изложения – что проявляется в отсутствии личных местоимений, использовании безличных оборотов и модальных конструкций. Рассмотрим на примерах из разных договоров, каким образом достигается формирование стандартизированного правового документа при помощи грамматических аспектов текста.

1. *Заключили (настоящий) Договор о нижеследующем; целью подписания данного Договора является; стороны пришли к соглашению* – клишированные фразы и стереотипизация структуры текста.

2. *На основании, в соответствии, в отношении, в силу, в целях, при условии* - отглагольные существительные и отымённые предлоги.

3. При этом Арендатор, не имеет права требовать компенсацию понесённых им расходов на приведение Помещений из состояния, в котором они находятся в момент их передачи Арендатору в соответствии с настоящим Договором Аренды, в состояние, пригодное для использования по Целевому Назначению (в том числе расходов на Первоначальные Работы Арендатора), за исключением случаев, установленных статьями 9.5 и 10.4, а также не имеет права требовать соразмерного уменьшения ставок Арендной Платы против ставок, указанных в настоящем Договоре Аренды, только на основании того, что он понёс расходы на приведение Помещений в состояние, пригодное для использования по Целевому Назначению (включая расходы на Первоначальные Работы Арендатора) - данный пример отлично демонстрирует тенденцию официально – делового стиля к употреблению сложных развернутых предложений с большим количеством уточняющих дополнений и примечаний.

4. С даты акцепта Заявки любой отказ Исполнителя от оказания услуг, в том числе путем направления письменного сообщения об отказе, либо по факту непоступления оплаты, рассматривается как неисполнение и (или) ненадлежащее исполнение поручения по Договору и для Исполнителя наступает ответственность, установленная пунктом 10 настоящего Договора; В течение 15 (пятнадцати) рабочих дней после получения Арендодателем уведомления от Арендатора о намерении продлить Договор Аренда, Стороны должны внести свои предложения по Изменяемым Условиям – это наглядные примеры императивного характера повествования текста и его точности, не допускающей двух толкований высказывания, который достигается при помощи четко выстроенной синтаксической структуры с преимущественно прямым порядком слов.

Нами было справедливо указано, что в русскоязычных юридических текстах договоров доминирует официально – деловой стиль. Однако помимо него мы можем также найти в правовых документах некоторые черты научного функционального стиля, который проявляется рядом характерных особенностей, присущих ему: доказательностью изложения, насыщенностью фактической информацией, а также

позиционированием излагаемой информации в качестве истины и большим количеством профессиональных терминов.

При передаче Оборудования после окончания аренды Исполнитель проверяет соответствие наименования, количества и качества Оборудования и по результатам приемки подписывает Акт приема-передачи Оборудования по форме №4 к Договору. После окончания аренды Компания обязана вернуть с Оборудованием всю документацию, переданную Исполнителем при передаче Оборудования в аренду. Компания обязана вернуть Оборудование в исправном состоянии с учетом нормального износа. В случае если после окончания аренды Оборудования установлена его некомплектность или ему причинены повреждения, то Компания возмещает фактически документально подтвержденные затраты на покупку недостающих частей и уплачивает расходы по ремонту Оборудования. В случае физической утраты Оборудования Компания обязана возместить Исполнителю стоимость Оборудования, рассчитанную исходя из текущей стоимости Оборудования. Вывоз Оборудования после окончания аренды из офисов Компании, указанных в Задании, осуществляется Исполнителем своими силами и за свой счет.

Вышеприведенный фрагмент является текстом пункта договора аренды офисного оборудования (кофемашины). Как можно заметить, в нем изложено большое количество фактов, следующих один за другим. При этом, благодаря прямому порядку слов и обилию конструкций, обозначающих причинно – следственные связи достигается определенный «тон» всего текста, который воспринимается непреложная истина, не поддающаяся сомнению и не предполагающая неоднозначности толкования.

Исполнитель обязан предоставлять Клиентам Заказчика услуги по размещению и проживанию в Гостинице. Любые дополнительные услуги гостиницы (телефон, платные каналы, услуги бара и ресторана), оказываются Клиентам Заказчика за отдельную плату по действующим тарифам Гостиницы. При этом Клиент Заказчика гарантирует последующую оплату дополнительных услуг при заселении в Гостиницу кредитной картой или денежным депозитом. В случае если

Заказчик оплачивает Исполнителю все расходы своего клиента, Исполнитель имеет право потребовать от заказчика оплаты депозита за его дополнительные услуги, которые будут оказаны Клиенту Заказчика в период его проживания в Гостинице.

Как мы видим на примере вышеуказанных примеров из договора аренды оборудования и договора на размещение в гостинице, для договорных текстов характерно большое количество фактической информации, которая преподносится чередой фактов, нанизывающихся один на другой в канве текстового повествования. Данная особенность позволяет нам провести параллель с научными статьями, в которых информация так же подается фактологическими блоками. Такое объемное содержание и избыток информации в тексте создает определенные трудности - в обоих случаях для понимания и интерпретации передаваемой в тексте информации реципиенту недостаточно одного прочтения даже тогда, когда получателем информации оказывается профессионал.

Заказчик обязуется возместить по первому требованию Исполнителя, направленному Заказчику в письменной форме, любой ущерб и убытки, нанесенные Исполнителю в связи с уничтожением, повреждением или нанесением иного ущерба Клиентами заказчика, как умышленно, так и по неосторожности, имуществу Исполнителя. Ущерб возмещается на основании двустороннего акта о причинении ущерба и документов, подтверждающих его размер.

Любой спор, вытекающий из или связанный с настоящим Договором, будет разрешаться через Арбитражный Суд Самарской области в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Подобного рода категоричные высказывания создают эффект их неоспоримой истины, которая не подлежит сомнению и в качестве доказательств своей истинности они имеют ссылки на сторонние правовые документы, иные пункты договора или на закон, что несомненно убеждает реципиента в доверии к данному документу, целью которого является равноправное урегулирование взаимоотношений всех сторон, задействованных в достижении его цели. Схожее

наблюдается и в случае с текстами научного стиля, так как их авторы стремятся убедить в истинности своих теорий.

Если мы обратимся к анализу англоязычных текстов, то обнаружим, что в них так же главным образом преобладает официально – деловой функциональный стиль, который в отличие от русскоязычной традиции допускает и даже предполагает использование инверсионных конструкций. Более того, примечательно то, как отличается стилистическая дифференциация двух языков. Рассмотрим примеры:

1. WHEREAS, this Agreement is intended to cover the terms and conditions of all sales of the Products (as defined below) from Seller to Buyer throughout the world.

THEREFORE, in consideration of the mutual promises and covenants contained herein, the parties, intending to be legally bound, hereby agree as follows:

AGREEMENT TO PURCHASE: Buyer agrees that it intends to purchase from Seller and Seller agrees that it intends to sell to Buyer the Products outlined in Attachment A (the “Products”) in accordance with the terms and conditions set forth in this Agreement.

2. In consideration of and as a condition of the Partners entering into this Agreement and other valuable consideration, the receipt and sufficiency of which consideration is acknowledged, the parties to this Agreement agree as follows...

3. Should neither party have brought the Tenancy to an end at or before the expiry of the Term, a new tenancy from month to month will be created between the landlord and the Tenant which will be subject to all the terms and conditions of this Agreement but will be terminable upon the Landlord giving the Tenant the notice required under the applicable legislation of England.

Как мы можем наблюдать, английский официально – деловой стиль при сравнении с нейтральным базовым литературным языком имеет не настолько очевидные и существенные различия, как в случае с аналогичным сопоставлением в русском языке. Вероятно, это может быть следствием того, что в английском языке в принципе не так развита стратификация функциональных стилей. Мы можем говорить о том, что в нем несомненно есть антагонизм формальный – неформальный английский. При этом, формальный стиль может обслуживать

совершенно разные сферы – сферу науки, политики, медицины, так же, как и правовую сферу взаимодействия людей. Именно поэтому то, что мы обозначаем официально – деловым стилем в русском языке, не способно быть адекватно применено в рамках английских правовых текстов, анализируемых в данной работе. С нашей точки зрения, для английского языка более верным будет определение формального делового функционального стиля. Этот стиль характеризуется использованием нейтральной лексики, архаизмов, профессиональных устойчивых оборотов (*whereas clause, therefore clause, in consideration of*), конструкций, выражающих категоричность и обязательства (*should*). Несмотря на то, что в англоязычных текстах договоров так же, как и в русских содержится большое количество информации и фактов, тем не менее, они не воспринимаются перегруженными и избыточно распространёнными. Данный факт объясняется разницей в самих языках, а точнее в их строях: английский – аналитический язык, в котором высказывания и текст строятся по принципу формул, что обеспечивает структурированность и лаконичность текста; русский язык – синтетический, следствием чего являются распространённые предложения со свободным порядком слов, осложненные придаточными.

Таким образом, мы обнаружили, что несмотря на очевидную при первом взгляде схожесть текстов договоров двух языков, в них есть существенные различия, что обусловлено отражением культурных особенностей двух разных народов. Так, например, в русскоязычных текстах правовых документов проявляются такие характерные черты русской культуры, как категоричность, выражающаяся в безличных пассивных формах с лексическими единицами, лишенными эмоциональной окраски. Англоязычные тексты характеризуются более четким соблюдением композиции и использованием более лаконичных и четких структур для выражения основной мысли. Эти различия объясняются разным менталитетом двух культур, а также коренными различиями строя двух языков, а как мы знаем, язык и мышление неразрывно связаны между собой. При этом, принимая во внимание, различия, обнаруженные нами в текстах русскоязычных и англоязычных правовых договоров, мы также утверждаем, что несмотря на эти

различия официально – деловой стиль в русских текстах и формальный деловой функциональный стиль английских договоров успешно используются для достижения одних целей: максимальной конкретизации, однозначность текста без возможности дополнительных толкований, стандартизация текста, передача долженствующе-предписывающей информации реципиентам.

2.3. Анализ текстов на грамматическом уровне

Большая официальность, строгость и императивность в текстах юридических договоров во многом достигается при помощи особых грамматических средств. Официально-деловой стиль русскоязычных документов характеризуется книжностью и грамматической усложненностью, что выражается в широком использовании таких средств как:

1. Пассивные конструкции, выраженные неопределенно-личными предложениями: *контроль осуществляется со стороны независимых экспертов; оплата гарантируется; подпись заверяется нотариусом; цена определяется без учета НДС; ответственность сторон в случае дефектов оборудования ограничивается вышеуказанными гарантийными обязательствами; для толкования положений настоящего договора используется следующая терминология.*
2. Пассивные конструкции, выраженные краткими страдательными причастиями: *настоящий договор заключен о том, что; цены определены только для настоящего Контракта; изменения действительны лишь в случае, если они предоставлены в письменной форме и подписаны уполномоченными лицами; настоящий Контракт составлен в двух экземплярах; дополнительно могут быть предоставлены дополнительные услуги.*
3. Пассивные конструкции, выраженные полными страдательными причастиями настоящего и прошедшего времени: *агент обязуется оплатить заказанный сервис; исполнитель обязуется соблюдать сроки отправки туристов не менее, чем за 7 дней до вылета соответствующего рейса; денежные средства, поступающие к исполнителю в качестве оплаты; согласие, предоставляемое путем*

подписания формы согласия; при условии 100% оплаты реализованных услуг; сумма, согласованная сторонами договора; в соответствии с принципами защиты данных, предписываемыми Законом о защите данных.

4. Аналитические глагольно-именные конструкции: использование формулы глагол (причастие, деепричастие) + существительное вместо типичного для разговорной речи глагола в личной форме, либо причастия (деепричастия): *производить ремонтные работы по согласованию – вместо отремонтировать; осуществить поставку оборудования – вместо поставить оборудование; осуществлять оплату – вместо оплачивать; наносить вред – вместо вредить; оказывать содействие – вместо содействовать; пришли к соглашению – вместо согласовали.*

5. Использование распространенных сложноподчиненных предложений для выражения условия:

Сторона, не исполнившая свои обязательства по настоящему Договору, несет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации, если не докажет, что надлежащее исполнение обязательств оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, т.е. чрезвычайных и непредотвратимых обстоятельств;

В случае, если за 30 дней до окончания срока действия договора ни одна из сторон не заявит о намерении прекратить его действие...

6. Использование сложных отыменных предлогов и предложных сочетаний: *во исполнение настоящего Договора; оплата производится в течение 10 рабочих дней; впредь до погашения долга; по причине невыполнения условий Договора; за счет средств Заказчика; с целью оказания услуг за вознаграждение; ввиду сложившихся непреодолимых обстоятельств.*

7. Замена одиночных существительных на атрибутивные сочетания по формуле прилагательно + существительное:

денежные средства - вместо деньги; ремонтные работы – ремонт; спорные ситуации – споры и т.п.

При анализе англоязычных договоров нами также были выявлены определенные грамматические особенности:

1. Использование модальных глаголов *shall*, *should* для выражения обязательств сторон, долженствования (что в русском языке достигается при помощи модального глагола «должен», смыслового глагола в форме настоящего времени или использования пассивной конструкции): *the Buyer shall pay the Seller agreed and liquidated damages at the rate of...; the Employee shall be responsible for the results of his decisions; payment should be made before the shipment of the Goods.*

2. Конструкции с модальным глаголом *should* для выражения условия: *Should any quantity of delivered goods prove to be defective during the guarantee period; Should the Parties fail to come to agreement within 30 (thirty) days.*

3. Условные придаточные типа *in the event (of)/in case (of)*: *In the event of any delay in the delivery against the dated stipulated in the Contract...; In the event of force majeure, the Parties shall be...; In case the Project is being terminated by the Client of Employer...*

4. Обороты по формуле «составные наречия типа *where / here / there + предлог*»: *IN WITNESS WHEREOF, Parties have hereunto executed this Agreement in the presence of witnesses* – сложное наречие соответствует предлогу с местоимением *which = of which*;

Any award of the corresponding arbitration shall be binding upon both parties hereto - равнозначно сочетанию соответствующего предлога с местоимением *this: hereto = to this*;

Neither of the parties is entitled to transfer their rights and obligations under the present Contract to a third party without the other party's consent hereto in writing - аналогично сочетанию соответствующего предлога с местоимением *that = to that*.

5. Применение сложных распространенных предложений:

For the avoidance of doubt parties do agree upon the fact that Employer can terminate the agreement with a notice period of two months in case the Project is being terminated by the Client of Employer;

Should the fulfilment of this Contract be infringed due to hostilities, embargo, blockades or any other contingency beyond either party's control, the parties shall not be responsible for the fulfilment of this Contract and the representatives of both the parties shall immediately consult each other and agree upon the actions to be taken.

6. Преобладание пассивных конструкций:

Price is specified in Appendix №1. The prices are fixed in GB Pounds;

The goods will be considered delivered by the Seller and accepted by the Buyer at the Seller's warehouse in conformity with the quantity according to shipment documentation; All changes and amendments to this Contract shall be stipulated in writing and signed by the Parties.

Исходя из проведенного нами анализа грамматического уровня текстов русскоязычных и англоязычных договоров, мы приходим к выводу о том, что во многих аспектах русский и английские правовые тексты в большей степени схожи. Так, например, среди схожих черт оказались преобладание пассивных конструкций над активным залогом, громоздкие синтаксические конструкции, осложненные второстепенными членами предложения, придаточными предложениями и перечислениями. Также русско – и англоязычные тексты объединяет характерное для официально – делового стиля нестандартное (своего рода канцелярское) использование предлогов для обозначения причинно-следственных связей.

Тем не менее, в ходе исследования нами также были выявлены особенности, характерные только для конкретной лингвокультурной традиции составления подобного рода документов. Интересной отличительной чертой русских договоров стало многообразное использование пассивных конструкций, созданных разными языковыми средствами, в то время как в английском языке возможен единственный способ образования страдательного залога, что приводит к повторам, избежать которые возможно лишь отказавшись от использования пассивной конструкции в пользу активного залога. Уникальной особенностью англоязычных договоров является использование модального глагола *should* для построения условных придаточных, а также использование его и глагола *shall* в их модальном значении

для выражения ответственности сторон. Кроме того, в англоязычной договорной традиции устоялось использование конструкций сложных наречий с различными предлогами вместо простых местоимений *this, which* с аналогичными предлогами.

2.4 Лексические особенности

Ранее в нашем исследовании мы указывали, что важнейшими качествами правовых документов являются полнота и логичное следование информации, точность и лаконичность формулировок. Нейтральный тон изложения является нормой делового стиля, на котором построены тексты правовых документов. В связи с этим в юридических текстах крайне редко встречаются формы, обладающие эмоционально-экспрессивной окрашенностью (существительные и прилагательные с суффиксами субъективной оценки, оценочные прилагательные и т.д.). Использование разговорных, просторечных, диалектных и других слов и фразеологических оборотов в юридической речи недопустимо [Богатырева 2005]. Рассмотрим пример:

Срок Аренды по настоящему Договору Аренды не подлежит продлению (за исключением случаев, предусмотренных пунктами 3.3 и 3.11 настоящего Договора Аренды). После прекращения действия настоящего Договора Аренды (включая случаи истечения Срока Аренды) Стороны заключат, если это необходимо в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации, соглашение о расторжении (при прекращении действия) настоящего Договора Аренды, подтверждающее прекращение арендных отношений Сторон.

Как мы видим, в тексте полностью отсутствует эмоционально окрашенная лексика, все лексические единицы нейтральны. Это свойство характерно для официально-делового стиля так же, как употребление слов в их прямом значении. Подобная черта обусловлена важностью содержания текстов правовых документов, в которых необходимо избегать двусмысленности. Благодаря этому появляется еще одна черта официально-делового стиля – это отсутствие тропов, образных средств

выражения, таких как метафора, метонимия, оксюморон, каламбур, эпитет, гипербола и т.д.

Также мы можем обнаружить в данном отрывке юридические штампы и клише – *по настоящему договору, за исключением случаев, предусмотренных пунктами..., после прекращения действия настоящего договора, в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации*. В действительности мы можем утверждать, что фрагмент, приведенный нами в качестве примера, практически наполовину состоит из штампов и клише. Это достаточно распространенное явление в юридических документах, так как подобное лексическое наполнение делает их универсальными по своей четкой и понятной структуре и в равной степени эмоционально нейтральными. Попытки изменения или сокращения таких клише могут привести к затруднениям в толковании и применении документа. Кроме того, в данном фрагменте так же присутствует характерная для договоров черта – ссылка на государственный институт (в прочих случаях это также может быть ссылка на государственные организации или административные единицы).

Стереотипные словосочетания, упомянутые нами ранее, можно подвергнуть тематической классификации. Так мы выделили три основные лексические группы, которые входят в состав клише и штампов русскоязычных юридических договоров:

1. Обороты официально-канцелярского стиля:

Договор вступает в силу

Оба экземпляра имеют одинаковую силу

В соответствии с пунктом

В кратчайшие сроки

С момента передачи документов

На имя

Согласились о нижеследующем

В день подписания настоящего соглашения

В письменной форме проинформировать

2. Клише и штампы, охватывающие общие вопросы:

Взаимный интерес

С целью изучения возможности

Возможность использования опыта

Партнерское сотрудничество в области

Обмен информацией

На основе

В целях реализации

3. Обороты экономической направленности:

Осуществить за свой счет

Условия аренды

Договор аренды

Вопросы недвижимости

Сумма договора определена (определяется)

Гарантийные обязательства

Как мы помним, участниками юридического дискурса одновременно являются как профессионалы - юристы, так и люди, вступающие в правовую ситуацию, которые не имеют необходимых знаний и могут не понять юридическую терминологию и лексику правового документа. Затруднения могут вызвать слова и выражения, которые хотя и являются общеупотребительными, но имеют специфическое значение конкретно в юридической терминологии. Специфика терминологии, применяемой в правовом документе продиктована его типом (в нашем случае – это договор), а также объектом (объектами исследуемых договоров - предмет и материальные средства, подлежащие передаче, продаже и т.п., и/или неимущественные права двух сторон). Так, например, в текстах проанализированных нами договоров мы можем встретить такие термины, как: *счет-фактура; коносамент; номинальная стоимость; генеральная доверенность; техническая спецификация; запрет зачета; договорная неустойка; страховая часть убытков; соглашение, юридическое лицо; официальный представитель; аффилированное лицо; применимое право; компенсации; штрафные санкции; авансовый платёж* и другие.

Следующей характерной чертой правовых договоров на русском языке является употребление архаизмов. Например, часто в таких текстах функционируют такие слова, как: *чинение; деяние; дееспособный; содеянное; возмездие; сего года; к сему прилагается; нижеподписавшиеся; вышепоименованный* и т. п. При этом, важно отметить, что подобные специальные официально-деловые слова в пределах «своего» функционального стиля не имеют экспрессивной окраски и стилистически нейтральны.

Помимо этого, в ходе исследования было замечено, что в договорах и контрактах часто имеет место наименование сторон по признаку, обусловленному действием или отношением: *подрядчик; поставщик; арендатор; арендодатель; заказчик; исполнитель; посредник; работник; работодатель; получатель*.

Если мы обратимся к англоязычным текстам договоров, то обнаружим, что для них также характерно использование нейтральной лексики без выраженной эмоциональности и оценочности:

When used in this Contract, the following terms shall have the respective meanings indicated, such meanings to be applicable to both the singular and plural forms of the terms defined;

The order considered to be implemented if the SELLER makes out a pro forma invoice to the BUYER.

Кроме того, можно также отметить широкое использование терминов и профессионализмов: *bill of lading* (коносамент (накладная)); *invoice* (счёт, фактура); *clean on bill of lading* (чистый коносамент); *wharfage* (портовая пошлина, причальные сборы); *off-budget funds* (внебюджетные фонды); *personal income tax*; *definitive payment* (окончательная выплата); *trouble-free operation*; *acceptance report* и др. Однако в отличие от русскоязычных договоров, в англоязычной традиции существует отличительная черта – возможность вариативности юридических терминов. Так, англоязычное терминологическое словосочетание *execution of the contract* имеет два совершенно разных значения: 1) исполнение контракта; 2) составление (оформление) контракта. При этом выбор релевантного соответствия

зависит от более широкого контекста, а также от уровня профессиональной компетентности в юридической области.

Другой схожей чертой англоязычных текстов договоров с русскими являются именованья людей по признаку, детерминированному их взаимоотношениями в рамках правовой ситуации, описываемой в документе: *employer; employee; lessor; lessee; consignee; undersigned; pledgor; pledgee; contractor; forwarder; carrier*.

Еще одной важной составляющей англоязычного договора является частое применение стандартных выражений или клише. Прежде всего в контрактах довольно часто обсуждаются денежные отношения сторон - платежи, расходы, компенсации и т. д. Этой цели в анализируемых контрактах служит, например, следующий ряд клише: *to the amount of; payment in amount of; to reimburse smb. for all costs and expenses* (возмещать кому-либо все затраты и расходы); *overdue payment* (просрочка платежа, просроченный платеж); *indemnify against loss* (гарантировать возмещение убытков).

Помимо этого, в англоязычных текстах договоров очень распространены стандартные выражения для обозначения временных рамок: *as of the date (с даты); as at the date (по состоянию на какую-л. дату), from (and including)...*; *on or after...* (с...включительно); *at least, at the latest (не позднее, не менее, чем за); not less than, not earlier than (не ранее, чем); with effect from the date of (начиная с указанной даты); the term of ...shall be effective from the date of (срок действия ...будет исчисляться от даты)* и ряд других.

Кроме того, нами были отмечены клише и стандартные выражения, с помощью которых вводятся такие обязательные пункты договоров, как обязательства, права и ответственность сторон: *to have the right, be entitled to* (иметь право); *to assign/transmit one's rights (передать свои права); to perform / discharge/ fulfill/ comply with obligations (исполнять обязательства); to bear all the obligation (нести обязательство), to undertake an obligation (брать на себя обязательство); to release from obligations, to relieve from performing the obligations (освободить от обязательств).*

В связи с обилием традиционных формулировок, исторически складывавшихся в течение длительного времени, для делового стиля договорных текстов характерно также широкое употребление торжественной и даже архаической лексики. Такие слова, как *aforesaid* (*вышеуказанный*), *above-mentioned* (*вышеупомянутый*), *hereby* (*настоящим*), *hereinafter named* (*в дальнейшем именуемый*), *henceforth* (*впредь*) и др., встречаются в текстах такого рода очень часто, что также объединяет их с аналогичными русскоязычными текстами.

Говоря о лексических особенностях текстов англоязычных договоров, стоит отметить также содержание в них множества слов или выражений на латинском и французском языках. Их появление исторически обусловлено нормандским завоеванием Англии (в 1066 году н.э.) и господства французского языка в качестве государственного языка Англии на протяжении четырех столетий. Так в юридических текстах получили распространение такие заимствования: *videlicet* (а именно), *per annum* (ежегодно, в год), *force majeure* (форс-мажор), *en rapport* (в соответствии); *null and void* (юридически недействительный, потерявший законную силу); *delegatus non potest delegare* (уполномоченный не может передавать свои полномочия); *profit a prendre* (право использования). Интересно, что в русских правовых текстах подобные иноязычные сочетания используются значительно реже и как правило это латинские слова и обороты, употребление которых стало нормой в русском языке. Среди них мы можем отметить такие, как *status quo*; *de facto*; *de jure*; *a priori*; *folio verso* (на следующей странице), *per diem* (суточные), *vide infra* (см. ниже), *vide supra* (см. выше). Отметим также, что в русскоязычных текстах такие выражения могут как сохраняться в своем иностранном написании, так и передаваться при помощи транскрибирования (де-факто, де-юре, статус кво, априори). Помимо уже перечисленных нами в текстах английских договоров также были обнаружены следующие латинские обороты, которые всегда используются исключительно в сокращенном варианте: *etc.* (*et cetera*), *e.g.* (*exempli gratia*), *i.e.* (*id est*), *viz.* (*videlicet*).

Зачастую в юридических документах можно также обнаружить использование сокращений и аббревиатур. Они применяются для обозначения наименований

организаций и предприятий, форм собственности, а также терминов. Приведем примеры: *B/L, BOL (bill of lading)* – коносамент или транспортная накладная; *C.I.F. (Cost, Insurance and Freight)* – стоимость, страхование и фрахт; *FCC (free convertible currency)* – свободно конвертируемая валюта; *WB (waybill)* – транспортная накладная; *EXW (ex-works price)* – отпускная цена. Отметим, что в русской лингвокультуре данное явление не распространено.

Часто в юридических текстах британской лингвокультуры можно встретить явление, не характерное для русского языка, – так называемые юридические дублеты (*legaldoublets*). В английских текстах употребляются фразы, состоящие из двух и трех слов, обозначающих одно и то же понятие. Например, *null and void* (потерявший законную силу); *dispute, controversy or claim* (спор, разногласие или претензия); *fit and proper* (соответствие и пригодность); *request and require* (запрос и требование). Появление некоторых из них также связано с прежней распространенностью французского и латинского языков: *will and testamente* – завещание (английский/латинский термин); *null and void* – недействительный (английский/французский термин). Однако есть и такие, которые состоят только из английских синонимов: *have and hold* (обладать), *over and above* (к тому же). Как правило, слова в таких дублетах означают практически одно и то же.

Таким образом, проведя лексический анализ языковых средств, используемых в русско – и англоязычных договорах, можно сделать вывод об особенностях вокабуляра текстов данного вида. Ведущим признаком документов обеих лингвокультур является использование нейтрально окрашенной лексики, употребление терминов (преимущественно из экономики и социальной сферы). Кроме того, данные юридические документы также характеризуются высокой степенью употребления официально-канцелярских клише и штампов, торжественной и архаичной лексики. В ходе исследования нами также были выявлены специфические черты, характерные исключительно для текстов конкретной лингвокультуры. Так мы обнаружили, что для англоязычных договоров свойственно использование лексических заимствований из латыни и французского. В то же время в русскоязычную традицию вошла лишь небольшая группа слов и

выражений из латыни, употребляемых в текстах договоров. При этом в русских юридических документах возможна их передача с помощью транслитерации. Кроме того, для англоязычных текстов характерны так называемые юридические дублиеты – фразы из двух – трёх слов, обозначающих одно и то же понятие. В случае с русскими текстами договоров мы, напротив, наблюдаем отсутствие тавтологии и синонимии в рамках одного предложения. Также в качестве различия традиций составления договоров двух лингвокультур нами было выделено употребление сокращений и аббревиатур, характерное для английских текстов и не имеющее такого широкого распространения в русскоязычных документах.

Заключение

В ходе проведенного нами исследования мы проанализировали теоретические аспекты реализации юридического дискурса в письменном воплощении в русской и британской лингвокультурах и выявили как схожие черты,

так и специфические особенности, характерные исключительно для одной из исследуемых лингвокультур.

Как известно, дискурс реализуется в текстах. Тексты в свою очередь, являясь продуктом языка, всегда отражают его специфику, а, следовательно, и специфику мышления, менталитета той культуры, которой язык принадлежит. Исследуемый нами юридический дискурс реализуется в текстах правовых документов, которые также включают в себя особенности культур - русской и британской. В рамках нашей работы мы проанализировали русскоязычные и англоязычные тексты договоров различных типов и согласно заявленной рабочей гипотезе пришли к выводу о том, что в действительности юридический дискурс представляет собой комплексное образование, обязательным условием которого является наличие чёткой структуры, которая достигается путем использования структурно - композиционных, грамматических и лексических средств для реализации основной цели правового документа, а конкретно договора - достижения соглашения двух сторон.

При сопоставительном анализе юридических текстов двух лингвокультур мы обнаружили как уникальные, так и универсальные способы моделирования юридического дискурса, которые отражают лингвокультурные различия двух народов. Так мы установили, что в русско – и англоязычных договорах есть обязательные и опциональные композиционные разделы. К первым относятся название договора, преамбула, раздел о предмете договора и реквизиты сторон, заключивших правовое соглашение. Прочие разделы относятся к опциональным, поскольку они либо не выводятся в тексте договора отдельными пунктами, либо их содержание отражается в основных разделах. Кроме того, нами также был сделан вывод о том, что структурно-композиционная организация русскоязычных договоров менее стабильна по сравнению с англоязычными документами и более часто подвергается изменениям скрипторов, составляющих их. Помимо этого, мы также выявили характерную для русской лингвокультуры тенденцию к рекурсиям в договорах, возникающим в результате высокого уровня информационной насыщенности их текстов.

В результате анализа реализуемых в договорах функциональных стилей в русской и британской лингвокультурах мы пришли к определенному выводу. В русскоязычных юридических документах наблюдается стремление к максимальной степени фактуальности и информативности текста, что выражается в громоздких конструкциях, избытии придаточных предложений, уточняющих приложений и примечаний, ссылок на сторонние документы. Кроме того, а их текстах проявляется характерная для русской культуры категоричность высказываний, достигаемая за счет использования официально – делового стиля. Англоязычные тексты в свою очередь характеризуются более четким соблюдением композиции и использованием более лаконичных и четких структур. Что касается стиля, реализуемого в рамках англоязычных договоров – мы приняли вывод о том, что в них используется так называемый формальный деловой стиль, главной чертой которого является нейтральная оценочность высказываний. Обнаруженные различия объясняются разным менталитетом культур и существенными отличиями организации двух языков. Однако несмотря на выявленные различия, мы утверждаем, что функциональные стили, реализуемые в договорах русской и британской культур, используются в них для общей цели - формирование текста, лишённого двоякой интерпретации, стандартизация формата текста и передача долженствующе-предписывающей информации реципиентам.

При исследовании грамматического уровня текстов юридических договоров двух культур мы обнаружили уникальную особенность русских договоров – использование многообразных по своей организации пассивных конструкций, которые построены при помощи разных языковых средств (полные и краткие страдательные причастия, возвратные глаголы в неопределённо - личных конструкциях). Специфической особенностью англоязычных текстов оказался способ построения условных придаточных с помощью модального глагола *should*, а также его использование наравне с глаголом *shall* для выражения долженствования. Кроме того, в англоязычной договорной традиции было выявлено употребление нетипичных конструкций наречий с различными предлогами, заменяющих

привычные в разговорной речи простые местоимения *this* или *which* с аналогичными предлогами.

По итогам анализа лексического уровня в русско – и англоязычных договорах, мы выявили основополагающие признаки документов обеих лингвокультур: использование нейтральной лексики, употребление терминологии, применение официально-канцелярских клише и штампов, торжественной и архаичной лексики. Помимо этого, нами обнаружены специфические особенности текстов британской лингвокультуры. Так было выявлено, что для англоязычных договоров характерны многочисленные лексические заимствования из латинского и французского языка. Также в англоязычных документах распространены юридические дублеты – фразы из двух – трёх слов, обозначающих одно понятие. В то же время в русских текстах наблюдается отсутствие лексических повторов и синонимии в рамках одного предложения. Далее мы обнаружили характерное для англоязычных договоров использование сокращений и аббревиатур, которое не свойственно для русскоязычной лингвокультуры.

Таким образом, мы подтвердили гипотезу, согласно которой юридический дискурс, объективированный в письменной форме договоров в русской и британской лингвокультурах отражает культурологические особенности, детерминированные такими факторами как национальный характер, доминантные особенности общения конкретной культуры, нормы речевого поведения в разных стилистических жанрах.

Библиография

1. Аксаков К. С. Опыт русской грамматики. Ч.1, вып. 1.- М.: Либроком, 1985.
2. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. — М.: Издательство БЕК, 2001.

3. Алексеев С. С. Теория права. — М.: Издательство БЕК, 2001.
4. Аристотель - Сочинения в четырех томах. Том 4 / Перев. и ред. А.И. Доватура — М.: Мысль, 1984.
5. Арутюнова, Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Сов. энциклопедия, 1990.
6. Барт Р. Эффект реальности // Избранные работы: Семиотика. Поэтика — М.: Прогресс, 2004.
7. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 2006.
8. Бенвенист Э. Бенвенист Общая лингвистика. — М.: УРСС, 2002.
9. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса // От психолингвистики к лингвосинергетике / 4-е изд-е. — М.: Либроком, 2011.
10. Ван Дейк Т.А. Эпизодические модели в обработке дискурса [1987] // Ван Дейк Т.А. Язык. Познание Коммуникация. — Благовещенск, 2000.
11. Ван Дейк Т.А. Анализ новостей как дискурса // Благовещенск, 2000.
12. Васильев А.Д. Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ. — СПб.: Златоуст, 2013.
13. Губарева О.Н. Сопоставительный анализ метадискурсивной организации англоязычных и русскоязычных научно-учебных текстов по экономике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2011.
14. Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. — М.: Норма, 2004.
15. Делёз Ж. Переговоры. 1972—1990 / Пер. с фр. В. Ю. Быстрова. — СПб.: Наука, 2004.
16. Демьянков В.З. Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. № 3. - М., 2002.
17. Есперсен О. Философия грамматики. — М.: Едиториал УРСС, 2004.
18. Иеринг Р. Юридическая техника. — СПб, 1995.
19. Каплуnenко А.М. Концепт – понятие – термин: эволюция семиотических сущностей в контексте дискурсивной практики // Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур. – Иркутск: ИГЛУ, 2007.
20. Каплуnenко, А.М. Курс дискурса: под флагом Фуко – М., 2013.
21. Карамова А.А. Текст и дискурс: соотношение понятий /Вестник Южно-Уральского госуниверситета / вып. 2, т.10. – Челябинск: ЮУрГУ, 2013.
22. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.

23. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001.
24. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000.
25. Карасик В.И. Языковые ключи. – Волгоград, 2007.
26. Карпук Г.В. Контактустанавливающая функция языка в судебном дискурсе, 2006.
27. Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. – М.: 2003.
28. Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / глава 4. — М., 1999.
29. Кожемякин Е.А. Юридический дискурс как культурный феномен: структура и смыслообразование. – Белгород: БГУ, 2011.
30. Колесникова Л.В. Юридический дискурс как социальный вариант языка: к постановке проблемы, 2003.
31. Крапивкина О.А. О персонифицированном характере современного юридического дискурса // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2010, № 4.
32. Крапивкина О.А. Лингвистический статус субъекта в юридическом дискурсе (на материале английского и русского языков): автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Иркутск: ИГЛУ, 2011.
33. Кубрякова Е.С. Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004
34. Ле Гофф Ж. Символический ритуал вассалитета // Другое средневековье. Время, труд и культура Запада. – Екатеринбург: 2000.
35. Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе: от столкновения к взаимопониманию. – М.: Дело, 1999.
36. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М., 2010.
37. Монтескье Ш.Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999.
38. Олешков М.Ю., Уваров В.М. Современный образовательный процесс: основные понятия и термины. — М.: Компания Спутник+, 2006.
39. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: вып. 17. Теория речевых актов. – М.: 1986.
40. Палашевская И. В. Концепт «закон» в английской и русской лингвокультурах, 2001
41. Палашевская И. В. Функции юридического дискурса и действия его участников. – Волгоград: ВГУ, 2010.
42. Рыбникова В.А. Языковая концептуализация социума (на материале английских дидактических текстов): Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2001.

43. Серио П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М.: ОАО ИГ "Прогресс", 1999.
44. Серл Дж. Р. Референция как речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Радуга, 1982. Вып. XIII. Логика и лингвистика (проблемы референции).
45. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 1997.
46. Степанов Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс, Факт и Принцип, Причинности // Язык и наука конца XX в. – М., 1995.
47. Стернин И.А. О понятии коммуникативного поведения // *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. Halle, - Воронеж, 1989.
48. Тодоров Ц. Семиотика литературы // Семиотика: антология. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.–Екатеринбург, 2001.
49. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996.
50. Хижняк С.П. Юридическая терминология: Формирование и состав. Саратов, 1997.
51. Шугрина Е.С. Техника юридического письма: Учеб.-практ.пособие. М.: Дело, 2000.
52. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике, 1993.
53. Chafe W. Beyond beads on strings and branches in a tree. Conceptual structure, discourse and language. Standford, 1996.
54. Fairclough N. Language and Power, 2001.
55. Candlin Christopher N. Research and Practice in Professional Discourse / N. Candlin Christopher // Introduction. – Hong Kong : City University of Hong Kong Press, 2002.
56. Tean A.van Dijk. Discourse and Context: A Sociocognitive Approach. – Cambridge University Press, 2008.
57. Michel Foucault. Archeology of Knowledge. Routledge, London, 2004